

Марина и Сергей ДЯЧЕНКО

Армагеддон-дом

Марина и Сергей Дяченко

Армагед-дом

«Автор»

1999

Дяченко М.

Армагед-дом / М. Дяченко — «Автор», 1999

Мир на пороховой бочке, и несколько раз за век эта бочка взрывается Апокалипсисом. Из моря выходят чудовища, звезда Полюнь опрокидывается в реки, превращая воду в кровь, ангел трубит в трубу над пепелищами. Лишь загадочные Врата сумеют спасти живых, чтобы люди могли после катастрофы отстроить жизнь заново – если, конечно, успеют войти в эти Врата. Мир привык, потому что привыкают ко всему. Лгут депутаты, мудрствуют спецслужбы, защищаются диссертации, рождаются дети. И конечно же, выдаются спецпропуска во Врата. Все как всегда, все как везде; регулярный, обыденный, ужасный Армагеддон, ставший для его обитателей Армагед-домом. Жизнь главной героини – тому порука. И тем не менее...

© Дяченко М., 1999

© Автор, 1999

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	46
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Марина и Сергей Дяченко

Армагед-дом

ПРОЛОГ

Телеведущая улыбалась, как нарезанный арбуз. Широко и мучительно.

– ...А теперь наступает время вашего любимого конкурса – «Пуп земли»! Ассистенты уже раздали гостям в студии лазерные кепки-указки... Направление взгляда каждого нашего гостя будет отмечено цветным лазерным лучом! А теперь – внимание! К нам идут основные участники конкурса, встречайте!

Камера скользнула по рядам наполнявших студию зрителей, вперилась в затейливо освещенную конструкцию. Конструкция провернулась вокруг своей оси, являя зрительскому глазу шесть темных фигур.

– Вот они, сегодняшние герои! Оксана, лаборант! Виктория, учитель танцев! Александр, водитель! Евгений, художник-оформитель! Игорь, сторож в зоопарке! Егор, стеклодув! Ребята, занимайте свои места!

Посреди студии возвышались шесть круглых платформ, обтянутых серебристой фоточувствительной тканью. Шестеро участников в одинаковых комбинезонах зашагали каждый к своей тумбе; все они были молоды, лет по восемнадцать, только одна женщина – из поколения Лидкиных родителей, под сорок.

– Вот позорище, – сказала мама, разглядывая хорошо сохранившуюся даму.

– Дорогие гости! – провозгласил парень-ведущий, и усиленный микрофоном звук перекрыл улюлюканье зала. – Как вы помните, задача каждого конкурсанта – привлечь к себе общее внимание на максимально долгий срок! Ваше внимание – это лазерные лучи с ваших кепочек, куда взгляд, туда и лучик! Наши приборы фиксируют уровень света на каждом из конкурсантов! Я попрошу операторов показать приз, который дожидается...

– Во дают! – сказал папа.

– Машину дают, – вздохнула мама.

Призовой автомобиль был блестящий и округлый, будто гигантский елочный шарик.

– Только для своих, наверное, – сказал папа. – Наверное, все подстроено.

Мама хмыкнула.

– Итак! – продолжал парень-ведущий. – Дорогие участники, через тридцать секунд прозвучит сигнал к началу! Ваше время – три минуты! Вы должны сделать все, чтобы на вас смотрели! Вы в равных условиях – одинаковая одежда и никаких аксессуаров, да, таковы условия конкурса! Каждый из вас подготовил нашей публике сюрприз! Итак, осталось пять секунд... Три секунды... И... Старт!!!

Лидка невольно подалась вперед. Да уж, было на что посмотреть.

Свет в студии вспыхнул ярче. Шесть темных фигур на мгновение застыли неподвижно; взметнулась песня. Пела женщина – не то лаборантка, не то учитель танцев. Голос был сильный и высокий, на грани визга; поющая – а она оказалась той самой зрелой дамой – подтанцовывала на своей тумбе, забрасывая ноги выше головы. Нет, лаборантка так не сумеет...

На секунду поющая учительница оказалась усыпана, как блестками, пятнышками взглядов. Всего на секунду, потому что вторая дама сразу же пошла ва-банк – расстегнула «молнию» на комбинезоне до самого пупа. Взгляды-лучики заматались; не желая обманывать ожиданий, дама ловко выскользнула из одежды.

Лазерные лучики красиво забегали по черному кружевному белью.

– Шла бы ты спать, Лида, – задумчиво сказал отец.

– Мне уже пятнадцать, – привычно огрызнулась она.

– Молодые люди, вы отстаете! – прокричала девушка-ведущая и на секунду сделалась естественной, вероятно, от азарта. – Ну-ка, Евгений, Игорь, Александр! Егор, не спите!

В комнате стоял полумрак; телевизор был источником света, да еще торшер, под которым устроился папа. Лидке совсем не нравилась эта дурацкая передача, но все уроки были переделаны, колготки выстираны, ужин съеден, и, стало быть, время забираться в кресло перед телевизором и ни о чем не думать.

Отдыхать.

– Осталось две минуты чистого времени! Ну же, ребята! Ну!

Учительница танцев все еще пела, срывая голос. Потом бросила микрофон, легла на живот, изогнулась и положила ягодички себе на голову.

– Вот это гибкость, – сказала мама. – В ее-то годы...

Водитель стоял на руках, художник-оформитель лаял, мастерски копируя бульдога, а сторож из зоопарка натягивал нижнюю губу на нос и даже выше.

– Гадость какая, – сказала мама.

Один из парней – кажется, мастер-стеклодув – никак не мог включиться в игру. Нерешительно топтался на месте, бормотал и оглядывался, будто в ожидании трамвая. На него не смотрели.

Больше всего взглядов доставалось лаборантке. Ее белье уже валялось на светочувствительном покрытии тумбы, и то, что обнаружилось под кружевами, действительно заслуживало внимания.

– Проще всего, – мама зевнула. – Обязательно на этом конкурсе кто-то раздевается. Но вот чтобы заголиться совсем...

– Осталось полторы минуты! – поощрял парень-ведущий.

Голая лаборантка, казалось, обречена была на победу. Хотя танцевала она неважно, мешали, наверное, тугие прыгающие тела.

Секунды бежали. Стеклодув, до синевы бледный, все топтался и бормотал, зато прочие конкурсанты кувыркались, выдували пузыри, мяукали, грызли вены, визжали, завязывались узлом. Лаборантка стремительно теряла внимание публики – ее голые формы успели примелькаться.

– Это она не рассчитала, – с сочувствием сказал папа. – Это как бег на длинную дистанцию – нельзя выкладываться сразу...

– Осталось пятьдесят секунд! – выкрикнула девушка-ведущая.

Тогда художник-оформитель, чувствуя, что победа ускользает, с криком расстегнул комбинезон, принял величественную позу и принялся мочиться с платформы вниз, с небывалым искусством изображая известный всему городу фонтан. Струя плясала в свете прожекторов, струя была длинная-длинная, взгляды-лучики заматались в смятении. Мама зашарила на диване в поисках дистанционного пульта:

– Еще чего! Фу, докатились...

– Выиграл, – философски заметил папа. – Да не переключай, он сам собой сейчас иссякнет...

– Браво!! – визжала девушка-ведущая. – Наш Евгений выигрывает конкурс! Еще тридцать секунд, и...

Мастер-стеклодув, до того вроде бы не принимавший участия в конкурсе, вытащил откуда-то тубик, как показалось Лидке, одеколону и зачем-то облил свой комбинезон.

– А говорят, никаких аксессуаров, – с осуждением заметил папа. – Снимут его с дистанции за нарушение правил.

– А ему и так ничего не светит, – сказала мама.

– Ну же, ребята! – Ведущая прыгала, рискуя сломать высоченные каблуки. – Еще двадцать пять секунд и...

Стеклодув вдруг вскинул руки над головой:

– Смерть!

Голос у него был как скрежет железа по стеклу. Сорванный и одновременно сильный, пробирающий до костей.

– Смерть! Всем! Девятого... июня...

У стеклодува была актерская дикция, во всяком случае, каждое его слово слышалось совершенно отчетливо. До последнего звука.

– Девятого июня... скоро! Так будет со всеми!

Публика возмущенно загудела, но стеклодув уже молчал. В руках у него появился предмет, знакомый Лидке по тысячам раскладок, ларьков и лавчонок. Дешевенькая зажигалка; Лидка не успела ни вдохнуть, ни выдохнуть. Посреди студии взметнулся живой факел.

– А-а-а!

Воя и прыгая в огне, стеклодув скатился со своей тумбы. Опрокидывая стулья, вскочила с мест публика.

– Покиньте студию!

– Пожар! Пожар!

– На помощь!

– Помогите!

– Отключите!..

Операторы и не думали прекращать съемку – наоборот, все камеры жадно уставились на горящего человека. Звук тоже не отключили вовремя, и Лидке казалось, что сквозь треск и вопли доносятся все те же слова – «девятого июня», «смерть».

У призового автомобиля погасла фара, выбитая упавшей железной стойкой. Перед выходом из студии возникла давка. Падали на пол и гибли под каблуками лазерные кепки-указки. Живой факел катался по студии, опрокидывая штативы и стулья, налетая на мониторы, и в каждом мониторе была одна и та же картинка – человек в огне...

Через толпу зрителей прорвались люди в форме, с огнетушителями. В пляшущий факел ударили с разных сторон тугие пенные струи.

«Девятого июня...» – в последний раз померещилось Лидке.

И экран померк. Через мгновение темнота сменилась рекламным роликом, а в следующее мгновение мама, нашарившая наконец-то пульт, погасила экран.

Некоторое время в комнате стояла тишина.

– Вот это да, – сказал брат, стоявший, как оказалось, за спинкой Лидкиного кресла.

– Чего там? – сонно спросила из кухни сестра.

– Ты, Янка, такое пропустила...

– Спать, – сказала мама так, что Тимур осекся.

Взведенный мамин голос будто порвал в Лидкиной голове натянутую пружину – Лидка заревела.

Сквозь слезы она слышала, как чертыхался папа, как причитала Яна, как увещевала их всех мама; Лидке под нос сунули вату, провонявшую отвратительным запахом, потом дали выпить капель, потом, отчаявшись, надавали по щекам. Мышцы живота болели от всхлипываний; девятое июня, прыгающий в огне человек, девятое июня...

Потом Лидка долго лежала в постели, не выпуская маминой руки, и слышала, как в соседней комнате отец грозит выкинуть «ящик» в окно. Потом постепенно пришел сон, глубокий и черный, без сновидений...

Глухой ночью семья проснулась от ее крика.

Глава 1

У историка, Михаила Феоктистовича, была странная манера читать лекции. Он то вещал спокойно и внятно, то вдруг напрягался, повышал голос, выкрикивал резко, едва ли не зло. «Как будто ему наступили на хвост», – говаривала Лидкина сестра Яна. И Лидка тогда воображала, что за кафедрой, скрытый от чужих глаз, лежит колечком лекторский хвост – длинный и ребристый, будто шланг от пылесоса. И чья-то безжалостная нога в ботинке наступает на него, и тогда Премудрый Фео выкатывает глаза.

– Правление Временного собрания закончилось в ночь на третье декабря! Сто двадцать человек были арестованы и, вероятно, казнены. В то время массовые репрессии...

Лидка рисовала человечков. Одного за другим; с начала лекции их было уже девять. Их могло быть больше, но Лидка очень тщательно прорисовывала детали, кармашки на штанах, шнурки на ботинках.

Седьмое октября. Седьмое. Среда. До девятого июня, тоже среды, остается ровно восемь месяцев.

Восемь. Мурашки по коже. Вчера вечером родители в два голоса бубнили на кухне, думая, что Лидка их не слышит: «Позволять смотреть телевизор после десяти часов... Даже в субботу... Недопустимо! Твой либерализм... Десять часов – в кровать! Все!»

В последние дни мама нервничает больше обычного. Во вчерашних «Ведомостях» большая статья. «Пуп земли», субботнюю развлекаловку, закрыли с треском.

До звонка пятнадцать минут. Четырнадцать...

Игорь Рысюк, Лидкин сосед по парте, вежливо поднял руку:

– Михаил Феоктистович, можно вопрос?

Время от времени Игорю хотелось быть самым умным; низко склонившись над партой, Лидка разрисовывала своему человечку пиджак.

Учитель поморщился:

– Вопросы, Игорь, будут тогда, когда я приглашу задавать их... Итак, начало катаклизма совпало по времени с провозглашением Империи. Стихийные бедствия привели к тому, что единое государство распалось, по сути, на множество замкнутых общин... – Тут Фео снова напрягся, будто ему наступили на хвост. – Империя кончилась сама собой! То был один из самых поздних и затяжных кризисов...

– Рисовать на уроке нехорошо, – сказал Игорь Лиде. – Тебя Славка Зарудный искал.

– Зачем? – механически спросила Лида.

Игорь завел глаза:

– Любофф...

– Дурак, – иногда Лидка испытывала к Рысюку неподдельное отвращение.

Он сидел на первой парте вовсе не потому, что был близорук. Он любил лезть учителям в глаза – а Лидка, напротив, не любила, но выбора у нее не было, потому что ее недаром прозвали Пигалицей. Она была самой младшей и самой маленькой в классе, в группе, иногда ей казалось, что она самая маленькая на свете. «Поздний ребенок», «дитя на грани риска», «последний ребенок цикла»... В первый же день учебы ее запихали на эту первую парту, под ноги пришлось подставлять скамеечку, а под зад класть подушку. «Лида маленькая, не обижайте ее». «Лида младше вас, оставьте ее в покое»... С тех пор прошло девять лет, но мало что изменилось.

– Пять минут до звонка, господа лицеисты. Что вы хотели спросить, Игорь?

Игорь встал:

– Михаил Феоктистович, а можно ли точно предсказать дату *мрыги*?

Если кто и возился в преддверии перемены – сейчас притих. Лидка сжалась в комок, карандаш ее дернулся и насквозь прошел тетрадную страничку.

Фео поднял на Рысюка мудрые выцветшие глаза:

– Во-первых, не мрыги, Игорь, а апокалипсиса... Во-вторых, таких прогнозов не существует. Это шаманство, истерика и мистификация, рассчитанные на идиотов. Взять, к примеру, этот последний скандал с телепередачей. Вы, как интеллигентные молодые люди, не смотрите, разумеется, ублюдочных шоу... Там случилось самосожжение в прямом эфире. К участию в передаче был допущен юноша с явными психическими отклонениями... что неудивительно, потому что подобные программы собирают вокруг себя дебилов – так навоз, извините, привлекает мух... Можете поверить старому человеку – перед каждым апокалипсисом начинается своего рода психоз. Дело интеллигенции – не поддаваться. Точное предсказание даты, а тем паче заверения, что этот апокалипсис будет, мол, окончательным и последним, не имеют под собой почвы, потому что...

В окно ударил камень. Стекло грохнуло, осыпаясь; в класс ворвались град осколков, осенний ветер, чей-то смех и топот ног.

* * *

УЧЕНИЦЫ МЛАДШЕЙ ГРУППЫ

4-го «Б» класса

СОТОВОЙ ЛИДИИ

сочинение

на тему: «Куда прячутся люди»

Конец света по-научному называется апока... (зачеркнуто)...сисом. Тогда случаются большие беды. Идут дожди из огня. Нечем дышать. Все люди погибли бы, если бы не Ворота.

Никто не знает, как они устроены. Ученые всего мира ломают над этим голову. Некоторые говорят, что Ворота установили инопланетяне, но это анте... (зачеркнуто) антинаучная ерунда.

Ворота открываются там, где люди могут найти их. Они открываются в нескольких местах. Люди заходят в Ворота и перебивают там страшное время. Внутри Ворот проходят всего тридцать шесть часов. Потом они выходят из Ворот – и начинается новый цикл жизни.

Тот, кто не успеет вовремя добраться до Ворот, обязательно погибнет. Поэтому они должны заходить в Ворота очень быстро. Мужчины должны пропускать вперед женщин и тех, кто не умеет быстро бегать.

О том, где открылись Ворота, сообщает служба ГО. Надо внимательно слушать сообщения по радио и бежать не к ближайшим Воротам, а к тем, на которые укажет служба. Иначе возле Ворот может возникнуть давка...

ОЦЕНКА: четыре с минусом.

ПРИМЕЧАНИЯ: Учись излагать свои мысли. Почему ты все время повторяешь – «они»? Подбери другие слова.

ЗАДАНИЕ: Выпиши в тетради слово «апокалипсис» двадцать раз.

* * *

– Девятый-»BW! Не расходитесь!..

Лицей казался теперь непривычно просторным. Старшая группа выпустилась по весне, оставив здание в распоряжении средних и младших. Исчезла привычная толчея в коридорах, удобнее сделалось расписание, но надо всеми, особенно в первые дни, висело осознание утраты.

Следующей осенью на занятия явится одна только младшая группа.

Если она наступит, эта осень.

– ...Эй, Пигалица, что там у вас случилось?

Кто-то цапнул Лидку за рукав; она дернулась, будто ее ударило током.

– Что это ты? – удивился Славка Зарудный.

Лидка перевела дыхание; сердце колотилось как бешеное.

– Так что случилось?

– Стекло грохнуло... Второй раз уже.

– Это пацаны из двести пятой школы. – Славка помрачнел. – Мишке позавчера морду набили...

– Так и вы им набейте.

Славку усмехнулся:

– Ишь какая быстрая...

Поймал ее ладонь. Сильно сжимать не стал, так, легонечко стиснул:

– У вас следующий урок какой?

Лидка инстинктивно оглянулась, нет ли поблизости зубоскала-Рысюка.

– Математика...

– А я в музее дежурю, – сказал Славка с непонятным выражением.

Из приоткрытой двери класса тянуло холодом. Выбитое окно наскоро пытались прикрыть какой-то картонкой.

– Слышишь, Пигалица? В музее... пыль вытираю. От физкультуры освобожден.

– Поздравляю, – сказала Лида.

Славка помялся:

– Так ты будешь знать, куда прийти, если у вас математику отменяют?

– Не отменяют, – пожала плечами она. – Вон пустых классов сколько.

– Ну так сама отмени...

Лида снисходительно улыбнулась.

Это в средней группе можно вот так запросто прогулять урок. А ее, Лидкино, отсутствие математичка засечет сразу – пустое место на первой парте, под самым носом. Даже если Рысюк смолчит, а молчать он, конечно, не будет...

Прозвенел звонок на урок. Математичка явилась, звеня ключами, как тюремный сторож, – под ее занятие выделили кабинет гражданской обороны, обычно запиравшийся на три замка. Там хранились противогазы, акваланги, ракетницы и прочие пособия, дорогие и привлекательные для вора. А уж вора в последнее время развелось не в меру, даже в лицее, даже несмотря на круглосуточное дежурство милиции...

Младший «Б» класс вереницей потянулся по лестнице вверх; математичкин взгляд остановился на Лидке:

– Сотова... принеси, пожалуйста, мелков из подсобки, а то в гражданской обороне их вечно не хватает. Только быстро – одна нога здесь...

– Ага, – сказала Лида. – Сейчас.

И поплыла против течения – ее одноклассники вверх, сама она – вниз. На второй этаж, по вошеному паркету направо, по коридору прямо – туда, где учительская, подсобка и музей.

Привычная суета изгоняла страх. Учителя выглядели так, будто ничего не произошло; знакомые стены будто говорили – ничего с тобой не случится, ничего с тобой случиться не может. Мир незыблем, если взрослые спокойны...

Она перевела дыхание и вымученно улыбнулась сама себе.

Славка Зарудный стоял в дверях музея. По-хозяйски крутил на пальце ключ. Увидев Лидку, по-настоящему обрадовался, даже, кажется, покраснел:

– Отменили?!

– За мелом послали, – сказала Лида, отводя глаза.

Славка скис. Ему было уже почти семнадцать лет, но чувств своих скрывать он так и не научился.

– Ты слушай, Пигалица... Может, после уроков?

– После уроков за мной отец заедет. – Лидка поняла, что ей жаль обижать Славку. Что Славка хороший парень, за ним вьются минимум три девчонки, и любая из них на Лидкином месте отложила бы математику на потом.

– А что ты мне хотел показать? – спросила она буднично. – Может быть, минуты хватит?

– Минуты?! – возмутился Славка.

Музей надоел Лидке еще во втором классе. Пыльную экспозицию она знала наизусть – разумеется, только ту ее часть, что была открыта для посещений. Говорили, что в закрытой части музея, куда пускают только учителей и выпускников, уже три года хранится настоящая мумия, засмоленный труп человека, не добежавшего в свое время до Ворот; обычно тела погибших превращаются в пепел, но археологам (или обыкновенным строителям) случается находить в завалах такие вот засмоленные тела. И только специалист может определить, жил ли человек десять циклов назад, или твои родители были с ним знакомы еще в прошлом цикле...

Лидка не любила и боялась об этом думать.

– погоди, Зарудный.

Она вошла в подсобку. Взяла три мелка – красный, синий, белый. Завернула в бумажку; она терпеть не могла, когда руки пахнут мелом, и потому не любила отвечать у доски.

Славка ждал у входа в музей:

– Слушай, Пигалица, ладно, хоть на минутку зайди...

Лидка остановилась. Взвесила в руке свои мелки и решила, что если задержаться в Музее, а потом быстро-быстро взбежать по лестнице, то по времени выйдет то же самое, как если бы она просто поднималась не спеша.

Славка отступил в глубину, приглашая, Лидка вошла. Славка тут же запер дверь на ключ.

– Ты это зачем? – удивилась Лидка.

– Техничка ругается, когда открыто. Здесь же режим...

Лидка поставила портфель, сверху положила сверток с мелками:

– Ну, показывай, что хотел.

Окон в музее не было. На их месте тянулось цветное панно с электрической подсветкой – древний город с забытым названием, когда-то полностью уничтоженный апокалипсисом и реконструированный по сохранившимся гравюрам. Напротив, в витрине, лежали на линиях подушечках закопченные металлические обломки, а сверху, на стене, медными буквами было выложено чье-то изречение: «Пока мы помним о погибших цивилизациях, история продолжается».

Лидка поежилась.

– Идем, Пигалица...

– У меня есть имя, – сказала Лидка скорее для порядка. Она давно не обижалась на прозвище, тем более что в Славкиных устах оно звучало почти нежно.

– Идем, тут новый экспонат...

Фотография действительно была новая, матовая, цветная. И огромная, почти метровой высоты; сквозь дым и языки огня на Лидку смотрела, как живая, здоровенная уродливая глефа.

Лидка отпрянула.

– Страшно? – нарочито небрежно спросил Славка.

– Гадко, – сказала Лидка, глядя в сторону. – Зачем *это* показывать?

– Затем, что скоро они из моря полезут. – Славка наставительно поднял палец. – Мы должны быть готовы...

– Я не собираюсь на них смотреть!

– Вот видишь, ты трусишь! А находятся же храбрые люди, которые их фотографируют! Это подлинный снимок, восемнадцать лет в спецхране...

Лидка еще раз мельком глянула на фото. Потом на Славку; насмешливо прищурилась:

– В спецхране? Восемнадцать лет? Слушай, это подделка. Я в детстве тоже глеф рисовала.

Мистификация...

Славка надулся:

– Скажи еще раз.

– Ми-сти-фи...

Славка быстро наклонился вперед и губами поймал Лидкины губы. Ей сделалось страшно и неприятно; она не думала, что симпатяга Зарудный способен на такую глупость.

– Дурак...

Вырываясь, Лидка оступилась и села на ворсистый ковер. И отбила бы себе мягкое место, если бы Славка не подхватил ее.

– Дурак, Зарудный, совсем спятил?!

– Пигалица... – сказал Славка жалобно. – Успеешь на свою математику...

Руки у него были взрослые – жилистые, твердые и в то же время красивые, с длинными пальцами. Славка закончил музыкальную школу.

– Что ты меня так гладишь все время, как будто я тебе кошка?

– А как тебя гладить, Пигалица?

– Никак, пусти...

Он не позволил ей встать. Наоборот, навалился сверху и снова полез целоваться. Лидка решила минуточку потерпеть – когда-то ведь он отстанет?! А на будущее надо будет учесть: Зарудный – дурак...

Но Славка не думал отставать. Наоборот, сунул руку Лидке под юбку, а этого она не собиралась терпеть ни в коем случае.

– Одурел?! Сейчас как заору...

– С чего бы тебе орать? Глупенькая, что ли?

– Пусти!

– Да перестань...

– Пусти, говорю!

Она все еще надеялась на его благоразумие и не решалась вырываться всерьез. И заорать тоже не решалась, а потом уже было поздно, потому что Славка зажал ее рот своим ртом, и трудно стало не то что издавать звуки – дышать. А когда он принялся стаскивать с нее колготки и сделалось ясно, что происходящее – не игра, у Лидки вдруг не оказалось сил. Теперь она вырывалась еле-еле, и Славке, вероятно, казалось, что девчонка сопротивляется только для виду.

– Пус...ти... иди... от...

В дверь постучали.

Новый ужас придал Лидке силы. Она вырвалась. На четвереньках отползла в сторону, натянула колготки, судорожно одернула юбку. Губы ее горели и саднили – казалось, рот разорвали до ушей, как у клоуна.

– Зарудный, открой, пожалуйста. Я знаю, что ты здесь.

Голос завучихи, и достаточно нервный.

– Зарудный, открой сию секунду!

Лидка затравленно огляделась. Под стеллажами не спрячешься, дверь в специальный зал заперта на кодовый замок. И Славка струсил, видать, вон как побледнел, даже губы трясутся.

– Си-ю секун-ду! Или будут неприятности, слышишь?!

Стук каблуков по паркету; еще чьи-то голоса. Сколько их там собралось? И когда уйдут?!

Славка точно решил не открывать. И ей махнул рукой: молчи, мол, сиди как мышь, обойдется...

– Принесите второй ключ! – Голос завучихи был как струна. – Елизавета Павловна, второй ключ, пожалуйста...

Лидка успела подумать, как легко проходят звуки сквозь укрепленную дверь музея.

Потом щелкнул замок, и дверь медленно, как в ужасном сне, начала раскрываться.

Славка уже стоял, прижав одну ладонь к лицу, а другую к груди, будто решившись в последний момент симулировать сердечный припадок.

А Лидке нечего было симулировать. Она сидела под витриной, под остатками погибшей цивилизации, и смотрела на себя как бы со стороны – на перепуганную, расхристанную, с распухшими губами девчонку.

Вошли завучиха, техничка, математичка, директор. Некоторое время было тихо, потом завучиха утробным голосом произнесла: «В святом для нас месте...»

На Славку почти не смотрели.

* * *

Маму было жалко.

Маме Лидка рассказала, как все было на самом деле, но легче от этого не стало. Брат демонстративно не желал разговаривать с падшей сестрой, отец ходил подавленный и молчаливый, зато Яна никак не могла сдержать язык:

– Дура! Кретинка! Что у тебя в голове – тряпки?! Допрыгалась, дура, вот вылетишь из лица, вот попадешь в двести пятую... Возились с тобой, нянчились с тобой, вынянчили тебя... Дебилку, имбецилку, идиотку...

– Замолчи, – устало говорил отец, и Яна замолкала, и заведенный мотор внутри нее работал вхолостую целых две минуты, а потом молчание иссякало, и все начиналось сначала:

– Дура... Кретинка... Потаскуха малая... До чего ты мать довела...

Отец три раза ходил к директору. Вроде бы должны были исключить обоих – и Зарудного, и Лиду, но с самого начала ясно было, что на Славку у лицейских начальников рука не поднимется. У Славки слишком известный отец. Академик и депутат.

У Лидки не хватало сил сидеть дома, но и шататься по улицам было опасно – вдруг встретишь знакомого или одноклассника. К лицу она боялась подходить на пушечный выстрел, а потому с самого утра шла на берег, забиралась в скалы и сидела, съезжившись, на обломках не то бревен, не то мачт, изъеденных солью, почерневших, когда-то проглоченных, а потом отторгнутых морем.

Несколько раз ей случалось видеть дальфинов – далеко от берега, совершенно безопасно, но все равно нервный холод пробирал до костей. Впрочем, она и без того мерзла; вот заболеть бы и умереть. Лидкин день рождения прошел буднично и безрадостно. Четырнадцатое октября, снова среда. До назначенного срока осталось семь месяцев и три недели.

Вместо обещанных роликовых коньков ей подарили коробку конфет и какие-то скучные книжки. Полвечера она проплакала, забравшись под одеяло, – не то из-за коньков, не то из-за лица, не то из-за скорой и неотвратимой смерти.

А через неделю оказалось, что, раз исключить Зарудного нет никакой возможности, то и Сотову трогать не будут. Поругали, поставили на вид – и пусть помнит доброе к ней отношение.

Отец пришел из лица нервный, но румяный и с блеском в глазах. «Обошлось», – сказал он маме. «Замолчи», – сказал он вскинувшейся было Янке. Лидке улыбнулся, потрепал по затылку: обошлось, мол, собирайся завтра в лицей...

Лидка представила, как войдет в свой класс. Как сядет на первую парту рядом с Рысюком. И двадцать пар глаз будут разглядывать ее, будто впервые увидев.

Она сверилась с расписанием – двадцать первое октября, среда – и уложила в сумку книжки. Но пошла не в лицей, а к морю.

Облака рябили многими оттенками серого, казалось, что небо покрыто грязными встопорщенными перьями. Небо походило на лежалую дохлую чайку. С моря дул недобрый ветер; Лидка укрылась среди камней и раскрыла книжку. Роман «Бедная Анна» полагалось прочитать по программе еще прошлым летом, это был самый скучный на свете роман, но Лидка читала, продираясь через длинные описания природы и совсем уж бесконечные монологи. Героиня не могла иметь детей, а детородный срок цикла истекал, и ее муж собирался уйти к другой; Лидка переворачивала страницы, почти ничего не соображая. Что за проблемы у этих персонажей, ведь они благополучно пережили свою *мрыгу*, теперь им предстоит два десятка лет безбедной жизни...

А у Лидки – семь месяцев и две недели.

В окончательный апокалипсис верят только идиоты. А она, Лидка, изучала историю. Она умная.

Буквы сливались перед глазами.

Около полудня со всех сторон в бухту стянулись патрульные катера. Они стояли далеко от берега, там, где Лидке случалось видеть дельфины спины. Черные силуэты вытянулись цепью от мыса до мыса. Кораблей было не меньше двадцати; со стороны базы ГО пришли два вертолета. Покружились над морем, порокотали, улетели; Лидка встала, чтобы поскорее уйти.

– Что ты здесь делаешь?

От неожиданности сумка едва не выпрыгнула из Лидкиных рук. Патрульные появились как из-под земли – два солдата и офицер, вооруженные, в камуфляже.

– Девочка, что ты здесь делаешь?!

– Прогуливаю уроки, – сказала Лидка тихо.

Патрульные переглянулись. Кажется, честный ответ настроил их чуть более миролюбиво.

– Объявлено военное положение, – отрывисто сообщил офицер. – Дети должны сидеть по домам.

Лидка крепче сжала сумку. Губы начали дрожать прежде, чем смысл сказанного дошел до нее.

– Как... что же...

– А ну сюда, живо!

Ее взяли за локоть и потащили – не очень быстро, но она все равно то и дело спотыкалась. От страха заложило уши.

По бетонной лесенке ее вытащили на набережную; от палаток торговцев остались металлические скелеты, под ногами валялись обрывки газет, и никого не было, ни торговцев, ни гуляющих, только военные машины в решетчатых железных очках. И люди, геошники, и у каждого второго – рация. Суставчатые антенны подрагивали, будто черные тараканы усы.

И еще тут был Игорь Рысюк. Стоял, привалившись к машине, глядел в сторону, как бы непричастный ко всему на свете.

– Эй, парень, эта та самая девочка?

Рысюк бросил на Лиду взгляд и сразу отвернулся:

– Да.

– Которая уроки прогуливает?

– У нее личная драма, – сказал Рысюк, почти не разжимая губ. – Несчастливая любовь.

Кто-то хохотнул:

– Ладно, пацан, ты не врал вроде бы... Куда вас обоих, в приемник-распределитель?

– Мы ничего не сделали, – тонко сказала Лидка.

– А нечего ходить где не положено... Адрес?

– Что? – тупо переспросила Лидка.

– Где живете? Далеко?

– На Угловой...

Игорь промолчал. Сам он жил гораздо дальше, на Зеленой Горке.

– Хорошо... До Угловой подбросим, но чтобы из дома – ни ногой! Ясно?

Вслед за солдатом, пахнувшим неприятно и остро, они забрались в тесный салон. Машина дернулась – Игорь и Лидка непроизвольно ухватились друг за друга.

– Ты почему не пришла в лицей? – спросил Рысюк сварливым шепотом. – Зарудный ведь ходит...

– Отстань.

– Почему ты такая невежливая?

– Почему ты такой кретин?

Где-то выла сирена. Ее вой сперва нарастал, потом ударил волной и сразу схлынул, удаляясь. Машина с сиреной пронеслась в противоположном направлении – к морю.

– А что было в лицее?

Рысюк пожал плечами:

– Тревога. Всех распустили по домам.

– А ты откуда знал, где меня искать?!

– С чего ты взяла, что я тебя искал?

Лидка прикусила язык.

– Эй, дети, – сказали из кабины. – какой номер на Угловой?

– Угловая, двадцать семь, – пробормотала Лидка. – Рядом с универмагом.

Машина выбралась на трассу и пошла быстрее.

– Слушай, Рысюк...

Вопрос застрял у нее в горле.

– *Мрыга?* Сегодня? – насмешливо спросил Игорь. – А как же твое любимое девятое июня?

Лидку передернуло. Захотелось ударить – так врезать невысокому Игорю по щеке, чтобы коротко стриженная голова стукнулась о борт...

– Не бойсь, это нормальный кризис. – Игорь улыбнулся. – Военный переворот или еще что-нибудь такое. Если бы ты учила историю, то знала бы, что за несколько лет до апокалипсиса наступает...

Машина притормозила.

– Выметайтесь, дети! И чтобы ни ногой из дома, ясно?

– Мы уже не дети, – проворчал Рысюк себе под нос. – Привыкли, понимаешь...

Машина газанула, обдав обоих вонючим выхлопным облаком.

* * *

УЧЕНИЦЫ МЛАДШЕЙ ГРУППЫ

3-го «Б» класса

СОТОВОЙ ЛИДИИ

сочинение

на тему: «Люди и дельфины»

Однажды девочка пришла на море. Погода была хорошая. В воде плескались рыбки. Светило солнце. Девочка решила искупаться.

Она зашла далеко от берега и стала тонуть. Она позвала на помощь. Но никто не услышал.

Вдруг приплыл дельфин из моря. Девочка очень испугалась. Но дельфин подтолкнул ее к берегу и спас.

Девочка была очень рада. Дельфин плавал вокруг и показывал спину. Они подружились. Девочка стала часто ходить на море и встречать там дельфина.

Потом девочка выросла и наступил конец света. Дельфины сбросили шкуру и пере... (зачеркнуто) в личинок, то есть глеф. Они вышли на сушу. Девочка (зачеркнуто). Он узнал ее и не стал ее есть. Но он поранил ее. И поэтому она не успела к Воротам, в Убежище.

Дельфины – опасные существа. В пе-ри-од цикла они плавают далеко от берега и не выходят на сушу. Но когда наступает конец света, дельфины становятся личинками-глефами и выходят на сушу. Дети, будьте осторожны!

ОЦЕНКА: три с плюсом.

ГРЯЗНО! И думай, Лида, о чем пишешь.

* * *

Дома ее встретили тихой истерикой. Тихой, потому что в квартиру они заявили вместе с Рысюком. В присутствии одноклассника Лидке постеснялись устраивать сцену.

Рысюк зашел, чтобы позвонить, и даже успел буркнуть в трубку что-то вроде «Жив-здоров, у Сотовой», после чего телефон умер, замолчал, будто трубку набили ватой. «Теперь еще и связь», – сквозь зубы процедил Лидкин отец. Рысюк попрощался и пошел к двери.

– Игорь, ты никуда не пойдешь, – очень спокойно сказала мама. – В лучшем случае тебя заберет патруль.

– А в худшем? – удивился Рысюк.

По всей квартире разбросаны были вещи. У порога стояли пять рюкзаков – как на картинке в учебнике ГО.

– Освобождай свою сумку, – сказал Тимур, Лидкин брат, притихшему Рысюку. – Если объявят эвакуацию...

– Бухту оцепили, – сказала Лидка.

– Наверное, глефы уже лезут, – весело пошутил Тимур.

Яна заплакала. Отец прикрикнул на нее – не зло, скорее растерянно.

Телевизор был включен, но мерцал серым бельмом пустого экрана. Если долго не отводить глаз, может показаться, что по экрану ползают тысячи мелких мушек. Лидка отвернулась.

Рысюк молча вытряхнул на пол пару учебников, папку с тетрадями, дневник, пенал, еще какие-то мелочи. В освободившуюся сумку поместились термос, полиэтиленовый пакет с пайком и аптечка. На Лидку этот обмен произвел гнетущее впечатление – она ушла в свою комнату, села на диван и включила магнитофон, благо батареек были еще живы. И, закрыв глаза, можно было вообразить, что ничего не случилось.

– А я вчера был на вечере в двести пятой, – сказал Рысюк.

– Зачем? – вяло поинтересовалась Лидка.

– Так... Сперва интересно было, девчонки ихние явились кто в чем, а кто и почти без ничего...

– Оч-чень интересно, – саркастически вставила Лидка.

– Да. А потом они нажрались какой-то гадости, и драка началась. Я еле успел смыться. А у тебя с Зарудным – на самом деле или понарошку?

Лидка молчала. Странные дела, до девятого июня осталось семь с половиной месяцев, а она так злится из-за этого зануды, кривляки Рысюка. Который специально ее дразнит.

Затрещал телевизор в соседней комнате. Запищал; на этот писк сбежались из разных комнат Тимур и Яна, мама, папа и Лидка с Рысюком.

– Дорогие сограждане...

Чье-то молоджавое тонкое лицо. Полузнакомое – Лидка никогда не интересовалась политикой и не смотрела новостей, но догадалась, что на этот раз перед камерой сидит не журналист и не диктор.

– Дорогие сограждане, чрезвычайная ситуация преодолена. Просим всех соблюдать спокойствие... В столице сорван заговор, направленный против законного правительства и ставящий своей целью низвержение конституционного...

«Откуда я его знаю», – подумала Лидка. И почти сразу же Рысюк прошипел у нее над ухом:

– Че-ерт... Это же...

– Что? – нервно спросила мама.

– Это Зарудный, – сказал отец. – Депутат Зарудный.

С экрана смотрел Славкин папаша.

Глава 2

Светка жила этажом выше и была на год старше Лидки. Светка училась в двести пятой школе и в отличие от Лидки имела время на посиделки в «дурной компании». Проходя мимо лавочки, где эта самая компания коротала вечера, Лидка внутренне сжималась и кивала как можно равнодушнее.

В последние месяцы все переменялось, и перемены скрыть не удалось. Лидка перестала ходить на факультативы, более того, повадилась сбегать с последних уроков. В лицее ей было так же уютно, как карасю на холодной сковородке – вроде бы и не жжет, но и удовольствия мало. Уж лучше на скамейке перед домом...

Но главное – со Светкой можно было говорить про девятое июня. Светка не начинала истерически смеяться, всем своим видом показывая, как ее забавляет Лидкина глупость, и не крутила пальцем у виска. Светка даже добывала где-то новые сведения – оказывается, были целые организации, посвященные Последнему Апокалипсису. И вроде бы двух разновидностей – одни посвящали оставшуюся жизнь «освобождению души», бросали пить, курить, уходили из семей и посвящали себя людям. Другие, наоборот, ничего очищать не собирались, а хотели напоследок пожить, продавали квартиры и на вырученные деньги устраивали оргии, игрища, морские путешествия и прочие приятные вещи. В морское путешествие Лидка и сама бы не прочь, но вот чем занимаются на оргиях, представляла себе смутно.

Светкин день рождения пришелся на воскресенье. Двадцать второе ноября, привычно отметила Лидка.

Гости собрались к половине восьмого. Мальчишек было шестеро, девчонок – вместе с Лидкой – тоже. По-видимому, в таком расчете крылся некий смысл; выпив по рюмке мутноватой крепкой жидкости, гости разбились по парам, как в детском саду. Рядом с Лидкой оказался длиннющий, бледный, болезненного вида парень лет восемнадцати, явно близорукий, но стесняющийся носить очки.

После первого же тоста закружилась голова, и сразу сделалось легче: уже ни о чем не думалось, во всяком случае, ни о чем плохом.

Лицейстов в новой компании не ставили ни в грош. Все, кроме Лидки, гости были из двести пятой школы, из младшей и средней групп, а тот, что сидел рядом с Лидкой, – и вовсе из старшей, второгодник. Говорили о собственных учителях – исключительно паскудных, глупых и пошлых. У каждой училки было по несколько кличек; Лидка путалась и никак не могла понять, кто кого куда послал и кто кого огрел линейкой. Сдуру призналась в невежестве – и сразу же сделалась центром компании. Ее наперебой принялись просвещать:

– ...А химичку – Доска, Два Соска». А математичку – Феня Хреновна. А геошника...

Остальные клички были непечатные, но большей частью смешные до колик. Лидка по-лошадиному ржала и повторяла вслух наиболее смачные прозвища. С удовольствием примеряла их к лицейским завучихе, математичке, директору; она только теперь поняла, как сильно их ненавидит. За вытянувшиеся физиономии на пороге музея, за патетические завывания: «В этом святом месте...» И за то, что ее не исключили. Пусть бы выгнали – так нет, брезгливо поморщились, опасливо покосились на Зарудного-папашу и оставили. Чтобы всякий раз, вызывая ее к доске, скептически поджимать губы.

А в двести пятой, именем которой лицейстов запугивали до дрожи в коленках, губ никто не поджимал. Там бранились и кричали, швырялись книжками, лупили линейкой по голове и вызывали родителей, но губ поджимать там никто не стал бы. Во-первых, потому, что все ученики считались испорченными по определению и ждать от них целомудрия не имело смысла. А во-вторых, потому, что честнее один раз закатить девчонке пощечину, чем месяц за месяцем морщиться и презирать.

– ...А этот парень тогда спер у бати ключи от машины и привел Анжелку в гараж. Они мотор завели, чтобы не холодно, и полезли на заднее сиденье. А машина здоровенная! Вот они и стали кувыркаться, а гараж закрыт! А мотор работает! Они позасыпали и отравились, ну, нанюхались выхлопов, вместе их и похоронили...

– Вот ты ржешь, а мне мамка ключи от машины не дает теперь...

– На тот свет захотел?!

– Все фигня, хлопцы, из нашего класса один пацан в подвале поставил раскладушку у трубы, тепло...

– ...Я у сеструхи с головы этот кулек ташу, а она уже синяя, еле откачал... «Скорую» не вызвал, чтобы на учет не поставили...

– ...Ну ладно, думаю, денег я добуду, не впервой, но чтобы задницу ему подставлять...

– ...Купил петарду и училке в стол. Как она заорет!

Лидка отхлебывала из рюмки и хохотала все громче. Каждое слово казалось невероятно смешным, но почему-то сразу же забывалось.

Уже через час она была своим парнем в новой компании. Бледнолицый сосед-второгодник пел под гитару. Его звали Генкой, Лидке он нравился все больше и больше – такой взрослый, с голубыми беззащитными глазами, с хриловатым усталым голосом...

Потом зажгли две свечки и погасили люстру. Включили музыку, и Гена пригласил танцевать не Лидку, а длинноногую соседку справа. И прямо по ходу танца полез ей под коротенькую юбку-пояс.

Лидка выбралась из-за стола, пошатываясь, протиснулась между танцующими, нашла ванную. Долго смотрела в собственное пьяное, лупоглазое лицо, тщетно пыталась сосредоточиться.

Катись все к чертям. Все равно скоро *мрыга*. Почему она, Лидка, не имеет права делать то, что хочет? Хотя бы накануне неотвратимой смерти...

– Эй, малая! Иди сюда, играть будем!

Комната плавала в табачном дыму. Со стола прибрали пустые тарелки, именинница притащила детский волчок на присоске, с бегущей стрелочкой. Под всеобщий хохот волчок запустили, и тот, на кого указывала стрелка, снимал с себя часть одежды. Сладко замирало сердце, было страшно и весело, гости по очереди стягивали с себя туфли, рубашки, носки, пояса, потом тот, что сидел напротив Лидки, оказался в одних трусах и заорал, что больше играть не будет, но на него заорали в ответ, что выходить из игры нельзя и что правила есть правила. Он подчинился и всякий раз шумно радовался, когда волчок указывал на другого.

Лидку лихорадило. Она сняла сперва туфли, потом пояс, потом колготки. Кое-кто из девчонок уже сидел, хихикая, в исподнем, и оно оказалось весьма затейливым, не чета скромному Лидкиному бельишку. Волчок вертелся, замирало сердце, более-менее одетыми оставались только Лидка да ее близорукий сосед, в их адрес отпускались шпильки. Потом волчок трижды подряд указал на веснушчатую девчонку с рыжим хвостом на затылке – та заныла, что так нечестно, и, ноя, разделась догола. У Лидки глаза на лоб полезли – она не думала, что до такого дойдет...

Ну, позвать бы сюда завучиху с математичкой! И посмотреть на их лица...

Все равно *мрыга*, сказал кто-то внутри Лидкиной пьяной головы. Какая разница?

Я плохая, поняла она с удивлением. Я плохая девочка! Я уж-жасная девочка, и как это здорово – быть плохой...

Но тут игра закончилась. Музыка зазвучала громче.

Кто-то подбирал с пола свои вещи, кто-то не стал. Длинноногая девчонка в юбке-поясе танцевала на столе; Гена, близоруко щурясь, бродил в одном носке и искал под ногами другой. На голом плече его обнаружилась татуировка, нанесенная, похоже, кем-то из одноклассников,

во всяком случае, здорово похожая на рисунок в тетради, – какой-то кривобокий свирепый крокодил.

Пахло духами, потом, перегаром, остатками еды. В темном углу кто-то возился, хихикая, и вроде бы полуголых тел там было не два, а минимум три...

На диване именинница Светка целовалась с парнем, чьего имени Лидка не запомнила.

Она едва отыскивала свои туфли. Колготок так и не нашла. Пояса тоже. Завтра надо будет позвонить соседям: «Извините, вы не находили в гостиной моих колготок?»...

Она осторожно прикрыла за собой входную дверь. Спустилась на два пролета вниз. Отыскала ключ в кармане джинсовой юбки. Ключ она захватила именно на этот случай – чтобы вернуться тихонько. Чтобы не приняхивались подозрительно, не оглядывали с головы до ног...

Дверь бесшумно приоткрылась. Лидка скользнула в запахи собственной квартиры; в прихожей было темно, в гостиной тоже, только голубовато подмигивал проклятуший телевизор.

Она сняла туфли. Босиком, поджимая пальцы, прошла вперед, намереваясь скользнуть к себе в спальню...

– ...экспертами, сошлись с точностью до секунды... Через двести дней, девятого июня будущего года, в шестнадцать часов двадцать одну минуту... И господь не сжалится более...

Лидка обмерла.

В комнате что-то возмущенно проговорила мама; Лидка, как загипнотизированная, сделала еще шаг и уперлась взглядом в экран.

С экрана смотрело желтоватое, морщинистое, печальное лицо. На переднем плане нервно подрагивал микрофон; казалось, в следующую секунду поролоновая груша заткнет говорящему рот.

– Расчеты были сделаны по методу Бродовского—Фильке. Вероятность погрешности минимальна. У нас есть еще двести дней, чтобы пожить. Чтобы взять от жизни все. Приготовьтесь, девятого июня...

Камера отпрыгнула одновременно с ведущим.

– Вы смотрите программу «Контакт», гостями нашей студии были... – Журналист порыбьи хлопнул ртом. Вытащил папку из-под мышки, сверился с записью: —...представители движения «За чистоту души»...

Экран погас. Лидка отступила в коридор.

– Хорошо, что малой нет, – сказала Яна в наступившей тишине.

– Чертов ящик, – зло сказал папа.

Лидка, незамеченная, ушла к себе.

Ночью маме снова пришлось отпаивать ее каплями. При этом мама клятвенно обещала, что к Светке Лидку больше не пустит. Ни ногой.

* * *

– ...Ты доиграешься, Сотова. Одна двойка в четверти, другая двойка в четверти, а там экзамены, которых тебе не сдать с такой подготовкой... Будешь исключена уже не по дисциплинарным соображениям, а из-за плохой успеваемости. Ты понимаешь?

В кабинете завучихи было тепло. Чуть слышно пахло цветами – кажется, астрами. Как на похоронах, подумалось Лидке.

– Ты меня слышишь, Сотова?

– До экзаменов еще полгода, – сказала Лидка, глядя в пол.

– Ты думаешь, что это много? Что у тебя есть время? «С понедельника возьмусь»?

– Нет, – Лидка пожала плечами и в который раз ощутила, что форменный лицейский пиджак тесен и жмет под мышками. – Просто... какая разница? Апокалипсис...

Зависла пауза. Чуть слышно гудел в углу обогреватель.

– И что же? – спросила завучиха другим тоном. – Разве это первый в истории апокалипсис? Разве после него не будет жизни, *твоей* жизни, Лидка?

– Может быть, не первый, – сказала Лидка неожиданно для себя. – Но уж последний, это точно. Для всех.

И замолчала, глядя в пол.

* * *

Рысюк выиграл олимпиаду по истории и получил право без экзаменов поступить в университет.

Лидка получила двойку по контрольной и двойку в четверти. Впервые в жизни.

Она напрасно думала, что ее это не заденет. Одно дело – быть плохой в полутемной прокуренной комнате, в компании таких же плохишей. Другое дело – получать свою тетрадку последней из класса, идти к учительскому столу под многими недоуменными взглядами. Встречаться взглядом с Михаилом Феоктистовичем. Сухо и коротко, как приговор: «Сотова —два...»

Она ждала, что Рысюк сострит. Или хотя бы сварливо спросит: «Сдурела?»

Рысюк ничего не сказал, даже смотреть не стал на соседку по парте. Как будто новоявленная двоечница не была ему ни капельки интересна. Тупо глядя в окно, на стадион, где средняя группа наматывала круги на лыжах, Лидка припомнила, как Рысюк называет учеников двести пятой. «Простейшие» – вот так он их определяет. И нынешнее молчание его не случайно – более того, со ступеньки равных Лидка скатилась для него на ступеньку «простейших», а значит, прежней сварливой дружбы больше не будет.

Она обозлилась. Намеренно, хоть и притворяясь неуклюжей, сбросила на пол Рысюкову книжку.

Грохот вышел, как будто упало жестяное корыто. Весь класс посмотрел на первую парту; Рысюк наклонился и подобрал учебник вместе с рассыпавшимися по полу закладками. На Лидку он так и не посмотрел.

В прокливаемой двести пятой никто не стал бы судить о человеке по его оценкам.

Лидка прикусила губу. Все равно. Сегодня девятое декабря, среда...

Осталось ровно полгода.

* * *

Перед входом на станцию скоростного трамвая ей сунули в руки листовку. Сперва она решила, что это обыкновенная рекламка или там обещание «выгодной работы», – но, механически развернув, споткнулась.

Мужчину на фотографии она узнала сразу, хоть листовка была черно-белая и желтизну лица не передавала. И все-таки это был он – тем более что по верхнему краю бумажки шла строгая черная надпись: «За чистоту души», а в правом нижнем углу имелась эмблема – стилизованное изображение человека в огне. «Так будет со всеми...»

– Девочка, что с тобой?

– Ничего...

Она выбралась из толпы. Привалилась к мозаичной стене; дрожали колени.

Ничего. Она знает, это хорошо, что она знает дату заранее. Всегда можно успеть нагло-таться снотворного... Чтобы не плясать факелом, как тот сумасшедший... Или он не сумасшедший, а, наоборот, герой, подвижник?!

Сегодня двадцать первое декабря, понедельник.... Осталось... Сколько же осталось?

Она присела на узкую скамеечку – идущие мимо люди удивленно на нее косились – и вытащила из сумки дневник. Каждый день помечен был числом в кружочке. Так, двадцать первое... Осталось сто семьдесят два дня.

* * *

– Ты не выполняешь задания, потому что не записываешь их?

Химичка оторвала взгляд от распятого на учительском столе Лидкиного дневника.

– Домашние задания необязательны для тебя, а, Сотова?

Лидка моргнула. Химичка взяла со стола кроваво-красную авторучку и снова нависла над Лидкиным дневником, на этот раз с вполне определенной целью; еще два месяца назад Лидка покрылась бы потом при виде такого зрелища.

Теперь записи в дневнике мало тревожили ее.

– Это что еще? – удивленно спросила химичка, на секунду задержав карающее перо.

Сегодняшнему вторнику соответствовала цифра сто семьдесят один. Завтрашней среде – сто семьдесят. Послезавтрашнему четвергу, соответственно, сто шестьдесят девять...

– Ты считаешь дни до экзамена? – спросила химичка, сама, вероятно, понимая всю глупость такого предположения.

Лидка молчала.

* * *

– Я знаю такую компанию, – сказала Светка. – Такой частный дом в пригороде. Они там собираются. Я знаю одного пацана оттуда, так он говорит, что вместе им не страшно. Что конец света все равно будет последний и один для всех. Он свой мотоцикл уже продал... На хрена мне, говорит, теперь мотоцикл...

Светка пододвинулась поближе, глуша Лидку устоявшимся запахом сигарет:

– А восьмого июня, накануне то есть, у них вроде как выпускной вечер. Они сами это так называют... Соберутся, погуляют, словят последний кайф и тихонечко уснут. Все.

Лидка молчала. Сплетала и расплетала пальцы.

– Я пойду к ним, – сказала Светка после паузы. – Погляжу, так ли у них классно, как тот пацан говорит. Пойдешь со мной?

– Когда? – спросила Лидка едва слышно.

Светка задумалась:

– Ну... Я завтра линияю с последних двух уроков... или вообще в школу не пойду. Выплюсь... часиков в двенадцать, пойдет?

Лидка кивнула.

...Гардеробщица подозрительно на нее косилась. В последнее время Лидка слишком часто брала свое пальто задолго до конца уроков.

Ну и что?!

У ворот рядом стояли машины. Бежевые, зеленые и бледно-желтые, они походили на восковые яблоки в снегу. Только одна из них, черная, выделялась и была похожа на изготовившуюся к прыжку пантеру. Мотор у пантеры работал – вилось на морозе облачко выхлопа.

Лидка замедлила шаги. Потом остановилась вовсе.

Наверное, она с самого начала знала, что никуда со Светкой не пойдет. Светка подождет-подождет, да и отправится в пригород одна; а потом можно будет что-нибудь соврать. Светка, правда, не поверит и справедливо обвинит подружку в трусости, но не все ли равно?..

Но если не идти сегодня со Светкой, значит, вообще некуда идти. Сидеть на лавочке в парке – холодно, а возвращаться в это время домой означает нырять в скандал. Казалось бы, такая мелочь – скандал, а все-таки не хочется...

Тоска оказалась такой властной, что Лидка едва не повернула назад. Чтобы покорно отдать пальто гардеробщице и сесть на свою первую парту, на виду у целого класса благополучных, чистеньких, хорошо успевающих ребят. Рядом с Рысюком, который уже почти студент... Который верит, дурачок, что будет студентом! Который пеплом будет, а не студентом, золой будет под развалинами лица...

Или все-таки пойти со Светкой?

Она подобрала смерзшийся комоч снега. Хорошенько прицелилась и запустила в сидящую на изгороди ворону. Промахнулась. Ворона даже не взлетела, только насмешливо покосилась на Лидку бусинкой-глазом.

Разозлившись всерьез, Лидка наклонилась за новым комком. Хорошо бы найти ледышку потяжелее.

– Лида!

Она выпрямилась с ледышкой в руке.

Возле черной машины стоял, сунув руки в карманы длинного пальто, незнакомый мужчина лет сорока.

Нет, знакомый. Определенно знакомый, вот только где...

– Добрый день, Лида, разве уроки уже закончились?

Она плотнее сжала свою ледышку. Перчатка была мокрой.

Этот мужик у черной машины был депутат Зарудный. Она встречала его пару раз в школе – давно, несколько лет назад. По телевизору он появлялся чаще. Особенно теперь, после осеннего путча...

А залепить бы ледышкой по ветровому стеклу, сказал развеселый внутренний голос. Вот было бы лихо. Впрочем, наверное, оно непробиваемое... Но хоть запачкать... Хотя нет. Это *он* может запачкать, а к Славкиному папаше никакая зараза не пристанет, покуда он ходит в главных советниках.

– Видишь ли, Лида, я давно хочу с тобой побеседовать. Можно?

Лидка повернула голову.

Ну конечно. Стекланные двери лица буквально облеплены были расплюснутыми носами. Как будто мухи на мед, как будто звонок на урок не звенел минуту назад.

– О чем?

Слова упали одновременно с ледышкой, которую Лидка выронила себе под ноги.

Депутат Зарудный улыбнулся. Густые с проседью волосы топорщились ежиком – депутат не боялся мороза и не носил шапки. Впрочем, в машине тепло и комфортно.

Не о чем с ним разговаривать. Инцидент давно «исперчен» (дурацкое словечко Рысюка)

...

– Лида... Мне не хотелось бы, чтобы ты подумала, будто мой сын воспитан в обезьяннике. А ты, мне кажется, так и подумала. Я прав?

Глава 3

Весна выдалась затяжная. Улицы существовали на правах сточных канав. Все бранили городскую санитарную службу.

На станции скоростного было сыро, шелестели под ногами неубранные фантики, обрывки прозрачных кульков и листовки, теперь уже знакомые, примелькавшиеся листовки с фигуркой пылающего человека в правом нижнем углу. И желтолицый пожилой мужчина смотрел с них все так же остро и проницательно.

В подворотне компания парней чуть старше Лидки гоняла ногами пустую бутылку. Лидка плотнее прижала к себе сумку. В толчее ничего не стоит вытащить кошелек, а то и вовсе вырвать имущество из рук – Лидка сама знала мальчишек из двести пятой, промышлявших подобным образом. Правда, одного из них поймали и избили в милиции, и теперь он, говорят, не доживет до *мрыги*...

В центре было чище и спокойнее, но бронированные жалюзи на модных витринах оставались прикрытыми до половины. Вдоль тротуара бродил дворник с метлой, передник его сбоку оттопыривался, и очертания скрытого предмета очень походили на пистолетную рукоятку.

Консьерж-охранник был знакомый. Улыбнулся Лидке, поднял трубку со своего пульта:

– Клавдия Васильевна? К вам пришла Лида Сотова... Да. Хорошо. Поднимайся, – это уже Лидке.

Клавдия Васильевна была Славкиной матерью. Значит, депутата Зарудного нет дома... А Лидка рассчитывала его увидеть. Именно сегодня.

Двери открыл Славка.

– Привет.

– Привет, – отозвалась Лидка, втягивая запах зарудновской квартиры, неповторимый запах дерева, кожи и еще чего-то, чему не было названия.

– Проходи...

Их со Славкой отношения напоминали теперь трогательную детскую дружбу, как ее описывают в книгах. С тех пор как депутат Зарудный убедил Лидку в том, что она, Лидка, не столько сексуальный объект для Славы, сколько романтическая привязанность. В том, что единственная глупость простительна и нельзя сразу же ставить на человеке крест. В том, что ему, депутату, слишком важно душевное здоровье сына... И еще во множестве спорных вещей убедил ее депутат Зарудный, не сразу и не без труда, но все-таки убедил, потому что Лидка захотела быть убежденной... Депутату Зарудному случалось убеждать кое-кого покруче Лидки Сотовой. Где бы он был сейчас, если бы не умел убеждать.

В Славкиной комнате она выгрузила из сумки две кассеты в потрепанных обложках:

– Вот... Как договаривались.

– Спасибо, – сказал Славка.

В прежние времена он сказал бы: «Спасибо, Пигалица». Но теперь он не произносил Лидкиного прозвища. Никогда.

Славка включил телевизор, сунул в видик первую из Лидкиных кассет. Экран пошел полосами, потом прояснился. Любительская съемка, первое сентября в лицее, старшая группа перешла в третий класс, средняя – во второй, а вот младшая группа – первоклашки...

Кассете было почти девять лет. Кое-где лента осыпалась, но смотреть все равно было интересно. Детские мордашки, подумать только, Лидка, оказывается, забыла, как выглядят дети. Рысук такой смешной, что невозможно сдержать улыбку. Вот дети-одноклассники... да и сама она, Лидка, не лучше. Пухлые щеки во все лицо и белый бант на макушке.

– А вот я, – сказал Зарудный, когда камера прошла по лицам ребятшек из средней группы.

Лидка рассеянно кивнула:

– А я уже забыла об этих кассетах... Там еще день рождения есть, Новый год...

Смотреть на детей дольше двух минут оказалось противно. Как будто это не собственное Лидкино прошлое, а совершенно чужие, незнакомые, раздражающе глупые дети. Эти круглые щеки, короткие ноги, большие головы...

– Когда твой отец вернется? – спросила она, поглаживая диванный валик.

– Не знаю, – отозвался Славка после паузы. – Никогда не знаю... А что?

– Ничего, – Лидка вздохнула. – Знаешь, в сегодняшней «Деловой газете» большая статья про... этих... которые апокалипсис предсказали.

– Опять?! – насупился Славка. – Елки-палки, ты все еще считаешь? И сколько там осталось, семьдесят два дня?

– А ты откуда знаешь? – после паузы спросила Лидка. – Считал?

Славка смутился. Покраснел до ушей и разозлился, как блоха:

– Делать мне нечего, только вот дни считать!

– Но ведь считал, – сказала Лидка тихо.

Славка фыркнул:

– Только отцу не говори. Засмеет.

Галдели противные дети на экране. Славка откинулся на диване и поджал под себя ноги; Лидка смотрела на него, и ей не верилось, что вот этот самый парень сперва безумно ей нравился, потом пугал, потом вызывал отвращение. Почему-то его насмешки не задевают ее, его похвалы ей неинтересны... Он скажет: «Ты дура», – она и не почешется. Но вот если сказано будет: «Отец сочтет тебя дурой»...

Сейчас Славка пойдет на кухню и принесет кофе с мороженым. У Зарудных потрясающе вкусный кофе. И удобный кожаный диван. И отличный видик.

– Выключи, – она махнула рукой в сторону экрана, где водили хоровод семилетние Лидкины одноклассники. – Давай фильм какой-нибудь новый... у тебя ведь есть?

– Конечно, – Славка воодушевился.

Интересно, а ведь сына депутат Зарудный тоже, наверное, убедил. Стоит, мол, сделать вид, будто ничего не произошло, – и скоро все в это поверят, а еще через некоторое время окажется, что и на самом деле ничего-ничегошеньки не случилось...

И теперь даже завучиха приветливо улыбается Лидке. Даже математичка все забыла. Даже техничка не хихикает вслед. Умный человек Славкин папаша, не был бы таким умным – не был бы советником...

Щелкнула, открываясь, входная дверь. Лидка встрепенулась. Так, без звонка и предупреждения, сюда приходит только хозяин дома.

Лидка поднялась:

– Надо, наверное, поздороваться?

Славка тоже встал:

– погоди, я сейчас посмотрю. Может быть, он загруженный, тогда его не стоит трогать...

И вышел. Лидка снова плюхнулась на диван и вытянула ноги в мягких комнатных тапках.

Игра в детскую дружбу, игра, в которую она втянулась помимо своей воли, имела, кроме странностей, множество плюсов. И подобревшие лицейские гримзы не были самым жирным из них.

Самым жирным плюсом был Славкин отец. Если он приходил с работы раньше полуночи. И если приходил «не загруженный».

– Лидка! – позвал Славка из коридора, и уже по голосу она поняла, что просмотр фильма не состоится. – Все в порядке, батя вполне в себе, сейчас только выйдет из душа...

Лидка мельком глянула на себя в зеркало.

* * *

Об Андрее Игоревиче Зарудном ходило множество слухов, иногда скверных, иногда просто гадких. Лидка прекрасно понимала, что человек, находящийся при власти, не может обойтись без многочисленных недругов и врагов, гирляндой навешенных ему на шею.

Одна излишне смелая газета вынуждена была закрыться, после того как депутат Зарудный, упомянутый в одной из статей, подал в суд и выиграл процесс «о защите чести и достоинства». Прочие обитатели бульваров так далеко не заходили, покусывали депутата как бы невзначай, исподтишка, и по первому же требованию печатали опровержение. Тем временем мощные проправительственные издания не жалели газетной площади под умные статьи Андрея Игоревича, раскованные интервью с ним и огромные фотографии тонкого волевого лица. Депутат Зарудный был в пике своей известности.

Или на подходах к пику.

Ведь говорят – и говорят все громче, что именно Зарудный станет следующим Президентом. Вот было бы здорово, у Лидки Сотовой – знакомый Президент!

Лидка сама себе не хотела признаваться, что короткое знакомство с выдающимся человеком льстит ей. Что только из-за этого она ведет игру с опостылевшим Славкой, смотрит видик на кожаном диване и пьет кофе с мороженым. Ради такого вот счастливого случая: депутат вернулся рано, не особенно «загружен», не прочь пообщаться с сыном... Ну и с гостьей сына, счастливо случившейся рядом.

Розовый после мытья, депутат был облачен в просторную домашнюю рубашку. Влажные волосы стояли торчком, как в тот морозный день, когда Лидка впервые заговорила с Андреем Игоревичем. Когда ждала упреков, завуалированных оскорблений, да пес знает чего ждала...

Подумать только! Если бы не та встреча, вполне возможно, она поперлась бы со Светкой в пригород и влипла бы в историю, в один из этих молодежных «витков», в котором если застукают – без разговоров берут на учет в психдиспансере и пичкают таблетками. Это сейчас. А тогда, зимой, про «витки» еще не знали.

Славкин папа еще тогда рассказал ей про устройство этих «витков». И про мерзавцев, которые их «завивают». И Лидка сразу ощутила себя взрослой, умудренной, такую на мякине не проведешь...

Хорошо, что дурочка Светка только один раз сходила на «виток». И что ее не засекли.

Эх, если бы у лицейской директрисы помещалась в голове хотя бы половина того ума, которым наделен депутат Зарудный! Впрочем, тогда бы она оставила лицей и подалась в политику...

Лидка улыбнулась своим мыслям.

– Как успехи?

Успехов не было никаких. Из двоек Лидка вылезла, но из троек выбраться не удавалось. Интерес к учебе сгинул напрочь – впрочем, как и у большей части Лидкиных одноклассников. Все эти колбочки, уравнения и диктанты казались такими мелкими, такими ненужными, такими незначительными на фоне надвигающейся катастрофы. Потом, говорили себе вчерашние отличники. Как-нибудь потом. А то ведь неизвестно, как все сложится, зачем же морочить себе голову раньше времени?

В особенности отлынивали девчонки. Их объяснения звучали как музыка: три-четыре года после *мрыги* можно считать вырванными из жизни. После родов, говорят, женщина теряет половину интеллекта, стало быть, кто родит двоих – поглупеет вовсе. А там – пеленки и горшки, минимум три года пройдет, прежде чем обоих младенцев можно будет отдать в ясли. Что останется в голове после такого перерыва? Какие уравнения?!

Лидка улыбалась и кивала. Ну прямо-таки гимн жизни! Все девчонки верят, что переживут апокалипсис, все они собираются жить *потом* и рожать этих... как их... детей...

Девчонки убеждали одна другую. Слишком жарко. С чрезмерным пылом. Будто стараясь подавить собственную преступную неуверенность.

Девятое июня...

В двести пятой, Лидка знала точно, давно никто не учится. Кое-как ходят на уроки, играют под столами в карты, на спор доводят учителей. Учителя по возможности мстят. Светка говорит, что их классный журнал в последнее время просто красный от двоек. Что никого не удивить синяком от учительской линейки. А наиболее отпетых физруки ловят и лупят в запертой тренерской...

На уроках твердили про «основу знаний», «прочный фундамент», про «взрослую жизнь», которая наступит в следующем цикле. Лицеисты вздыхали и переглядывались. Ну мальчишки – ладно. Мальчишки могут сразу после лицея где-то учиться и где-то работать. Вон Рысюк, например, уже получил студенческий билет...

Хотя многие на его месте поостереглись бы. Хотя бы из суеверия. Потому что жители погибших городов тоже строили планы на будущее. Да и при самом обыкновенном апокалипсисе всегда находятся неудачники, которым так и не удастся добраться до Ворот...

Лидка вздохнула.

– Что, тяжело? – тихо спросил Андрей Игоревич.

Она молча кивнула.

– Понимаю, – сказал Зарудный после паузы. – Первый апокалипсис – всегда трудно. Впрочем, второй не легче, поверь. За детей бояться даже страшнее.

Лидка мельком взглянула на Славку. Тут же отвела глаза. Раньше ей почему-то не приходило в голову, что за этого оболтуса можно бояться. И что ее родители бояться за нее, за Яну, за Тимура...

– Что-то ты грустная сегодня, Лида. Славка, неси коробку, сыграем пару партий навыйлет.

Из всех забав депутат Зарудный почему-то предпочитал настольный хоккей. Траектории пластмассовых хоккеистов действительно напоминали движения живых людей с клюшками; Лидка быстро научилась управляться с рычагами и у Славки выигрывала в трех случаях из пяти, вот только играть со Славкой было неинтересно. За игрой Зарудный-младший не издавал членораздельных звуков, а только пыхтел азартно да еще вопил – радостно либо обиженно, смотря по обстановке. Славка, хоть и был старше Лидки на два года, казался ей в такие минуты сущим младенцем вроде тех, что водили хоровод на экране видика...

Удивительно и странно, что подобный младенец ухитрился устроить ту сцену в музее. Еще чуть-чуть – и Лидка могла бы соревноваться с наиболее смелыми девчонками из двести пятой: те, оказывается, прикалывали к воротнику булавки с колечками. Наличие булавки означало «я женщина», и первый «бублик» обязательно красный. Число прочих колечек определялось количеством последующих кавалеров, причем, говорят, не одна модница бывала бита своими же товарками за вранье и преувеличение...

Думать обо всем этом, глядя на играющего Славку, тем более на Славку, играющего с отцом, было по меньшей мере дико. Папа пришел с работы и гоняет с сыном пластмассовую шайбу. И тот еще сын – ребенок ребенком... При чем тут нравы двести пятой школы?!

Вот как обманчива бывает внешность.

Лидка вздохнула.

Андрей Игоревич играл, что называется, одной левой. Шайба летала из угла в угол, но у Зарудного-старшего хватало времени и на неторопливый разговор:

– Что еще слышно, Лида? Брат уже поправился?

Тимур кашлял неделю назад. И болезнью-то не назовешь. А депутат Зарудный помнит...

– Спасибо, все в порядке, – сказала она механически. И неожиданно для себя добавила:
– А как дела у вас в парламенте?

А почему бы, собственно, и не спросить? Спрашивают же люди друг друга, как дела на работе, дома, в школе...

Кажется, Андрей Игоревич все-таки удивился. И пропустил шайбу. Славка радостно завопил.

– Да дела как обычно, – медленно сказал Зарудный-старший. – Если тебе интересно, могу дать подшивку «Парламентских вестников». Там отчеты практически без купюр...

Лидка опустила на теплую еще табуретку, и это чужое тепло заставило ее вздрогнуть и сразу же пропустить гол.

– Вылетела, – сказала она виновато.

Славка не огорчился:

– Пап, давай снова!

– погоди, – депутат Зарудный жестом остановил Лиду, поднимавшуюся из-за стола. – Слав, будь другом, принеси из кухни чаю, ну и там еще пирожки какие-то, спроси у мамы...

Славка сморщил нос, но возражать не стал. Закрыл за собой дверь; у Зарудных была такая большая квартира, что Лидка до сих пор не знала, где тут располагается кухня.

Андрей Игоревич сел на Славкино место. Пальцем погладил по шлему желтого пластмассового вратаря:

– Сыграем, Лида?

Она кивнула. Отчего-то пересохло в горле. Она знала, что, вернувшись домой, начнет по-всякому вспоминать именно эти бегущие секунды – Славка на кухне, а они с депутатом сидят в метре друг от друга и сосредоточенно вертят ручки.

– Тяжело быть самой маленькой?

Лидка подняла голову. Ее зеленый хоккеист размахнулся по шайбе, но так и не ударил.

– Я случайно родилась. – Она знала, что ЕМУ можно сказать. – Мама хотела... ну, прерывать. Потому что детородный период уже почти закончился... Яна и Тимур, они вместе родились... и после этого мама, ну, не беременела. И думала, что все... А потом она... ну, короче, два врача сказали, что можно рожать, а три – что нельзя.

– Какой молодец твоя мама, – сказал Андрей Игоревич.

– Правда? Вы не шутите?

– Разве такими вещами шутят?! Она с чистой совестью могла бы не рисковать, тем более что двое детей у нее уже были.

Лидка опустила голову.

– Ты знаешь, Лид, – депутат вздохнул, – когда я был таким, как ты... то есть я, конечно, был старше, когда случился мой первый апокалипсис... тебе сейчас сколько?

– Исполнилось шестнадцать...

Зарудный улыбнулся:

– До апокалипсиса еще подрастешь. Надеюсь, он все-таки будет не завтра.

– Не завтра? – вырвалось у Лидки.

– Нет, – депутат покачал головой. – Еще есть время.

– А... – она запнулась. – Вы точно знаете?

– Нет, – Зарудный улыбнулся. – Знаю, для тебя это болезненная тема... предвидение, прогнозы, предсказания. Это для всех сейчас болезненная тема... Но я отвлекся. Я был в старшей группе, мой первый апокалипсис застал меня почти в двадцать лет. Я был взрослее, конечно. Но я, представь себе, совершенно не понимал своих родителей. Они казались мне скучными, мелочными, трусливыми, без причины нервными...

Лидка покраснела. Против воли. Как помидор.

– Я вовсе не...

Депутат улыбнулся, и она поняла, что проговорилась.

– Я не говорю, что ты такая же, каким был я восемнадцать лет назад. Но я знаю, что Славка во многом такой же.

Лидка выпучила глаза:

– Славка?!

У нее в голове не укладывалось, как можно *такого* отца считать скучным, мелочным, трусливым и далее по списку.

– Да, представь себе! Не потому, что он дурак или мы с женой дураки... Просто так получается. Каждый новый апокалипсис есть повторение ошибок предыдущего... Славке я это не могу сказать, он решит, что я подлизываюсь. А тебе я говорю с чистой совестью: твои родители вовсе не такие нудные личности, как тебе сейчас кажется. Вовсе нет. Они молодцы. Пройдет время – ты поймешь...

Дверь открылась, пропуская сперва Славкину ногу в домашнем тапке, потом поднос с дымящимися чашками.

Хоккей переместился на диван. Лидка постукивала ложечкой о фарфоровые стенки чашки и думала, что у мамы скоро день рождения. Надо бы придумать что-нибудь такое... эдакое...

А потом рассказать Андрею Игоревичу.

– А Лидка спрашивала про предсказания, – наябедничал Славка. – Па, там у вас в отделе прогнозов астрологов не собрали еще?

– Собрали, – Зарудный-старший нимало не смутился. – И астрологов, и провидцев, и прочих... Половину, правда, потом пришлось сдать психиатрам. Пей, Лида, пей... Ничем нельзя брезговать, ребята, даже предсказаниями юродивых. Но толку от них нет, вот в чем беда. Все друг другу противоречат. В документах полно ссылок – такой-то предсказал апокалипсис тридцать какого-то мохнатого цикла, такой-то – сорок какого-то... Но когда берешь в руки документы – не с тем, чтобы получить гонорар в газете, а чтобы разобраться по-настоящему, – тогда оказывается, что большая часть предсказаний сделана задним числом. То есть, уже выбравшись из Ворот, провидец заявляет: а я предупреждал!

Лидка отхлебывала из чашки, чай, не желая остывать, немилосердно жег язык.

– ...А остальные пророчества либо неточны, либо двусмысленны. Либо подделки. Одному только удалось предсказать день и час с точностью до минуты. Но так как это был единственный случай на чертову прорву циклов, проще предположить случайное попадание... Кстати, он так и не пережил предсказанного апокалипсиса. Его затоптала толпа на подступах к Воротам; с тех пор среди предсказателей бытует суеверие, что точный прогноз опасен для здоровья.

Лидка нерешительно улыбнулась в ответ на его улыбку.

– ...Но, ребята, тем не менее разработки ведутся во всех возможных направлениях. Сличают карты расположения Ворот... Никакой системы. Хоть в вычислюху суй, хоть счетами щелкай. Предугадать возможно с той же вероятностью, как и, скажем, рисунок рассыпанных по полу горошин. Целые институты, огромные коллективы людей пытаются не то чтобы понять, хотя бы внятно представить себе, что такое эти Вороты... Откуда они берутся, что из себя представляют... Все без толку, вот уже десятки циклов... Но главное, – депутат вдруг сдвинул брови, – главное не то, как устроены Вороты. Главное, чтобы люди умели войти в них, никого не топча. Понимаете?

– «Правильная организация эвакуации населения дает почти стопроцентную выживаемость при апокалипсисе, – процитировал Славка на память. – При себе иметь запас воды и пищи на тридцать шесть астрономических часов. Четко следовать указаниям комиссаров ГО...» Мойте руки перед едой. Переходите улицу только на зеленый сигнал светофора. Па, ты всегда на зеленый переходишь?

– Я не так часто хожу по улицам, – пробормотал Зарудный-старший. – Но когда ходил – да, бывало, переходов не искал.

– Во! – Славка поднял палец.

Приоткрылась дверь. Бледная болезненная женщина, Славкина мать, мельком кивнула Лиде, обернулась к депутату:

– Андрей, я бы хотела...

– Сейчас, – Зарудный-старший кивнул. – Ребята, я вас оставляю... Кстати, который час? Чтобы Лиде поздно не возвращаться...

Он никогда не предлагал Лидке ни машины с водителем, ни денег на такси. Четко ощущал, видимо, предел приличий.

– Я хотела газеты, – пискнула Лидка, чтобы хоть как-то скрасить себе расставание. – «Парламентский вестник»...

– Слав, – депутат кивнул сыну. – Выдай Лиде подшивку за последние пару месяцев... Если понравится – возьми еще. – Кажется, Андрей Игоревич малость насмеялся. Не верил в то, что «Вестник» Лидке понравится.

– Я прочитаю, – сказала она, глядя ему в глаза.

– Вот и хорошо... Заходи еще, Лида.

– До свидания...

Закрылась дверь.

– Там шрифт мелкий, – сказал Славка с неудовольствием. – И бумага желтая.

– А у меня зрение хорошее, – сказала Лидка, пытаясь справиться с опустошенностью, пришедшей на смену лихорадочному возбуждению этого вечера. – Слав...

– Что?

– Ты кем хочешь быть, вообще-то? Тоже политиком?

– Отец не политик! – возмутился Славка. – Он ученый прежде всего, а уже потом... И я ученым буду. Археологом. Закончу универ и уеду далеко... на фиг. На раскопки артефактных Ворот.

– Славка, – ее голос дрогнул. – А если... все-таки... это *к нам* приедут на раскопки? Пепел разгребать?

– Паникерша, – сказал Славка устало. – На, вот тебе твои газеты... Идем, я тебя провожу.

* * *

Славка оказался прав. Читать «Парламентский вестник» Лида поначалу не смогла. Даже заставляя себя, даже скользя глазами по строчкам, она уже со второго абзаца переставала понимать, о чем идет речь.

Тогда она сдалась и стала просматривать только замечания в скобках; это были, как в пьесе, ремарки. Здесь аплодисменты. Там улюлюканье. Здесь такая-то фракция поднялась и вышла из зала. А здесь депутат такой-то попытался схватить за грудки депутата Зарудного, но тот увернулся, и депутат такой-то, оступившись на ступеньках, ударился головой о трибу...

Лидка увлеклась.

Славкиного отца одни ненавидели, для других же он был как флаг. Лидка принялась прицельно просматривать выступления Зарудного – и втянулась; стоило вообразить, как Андрей Игоревич встает, опирается на трибуну, едко отшивает оппонентов... Уже и неважно, что он говорит, хотя говорит он, как обычно, умные вещи...

Несколько дней Лидка наслаждалась своим маленьким газетным театром. А потом весна взяла свое.

По утрам солнце так било в окна, что приходилось наглухо закрывать занавески. В классе все больше становилось пустых мест; лицеисты гуляли, как последние хулиганы из двести

пятой, и Лидка не отставала от прочих. Ходили к морю, жгли костры, пекли картошку, коптили колбасу на длинных палочках; изредка встречались военные патрули, хмуро оглядывали прогульщиков из-под прозрачных щитков на касках и топали себе дальше. Никому ни до чего не было дела. Все торопились урвать от жизни свой кусок радости, урвать, пока можно, пока дают...

О дне рождения мамы Лидка вспомнила накануне поздно вечером. Ни подарка, ни поздравления, о котором ей думалось тогда у Зарудных, не было и в помине.

Она встала с кровати. В ночной рубашке прошлепала к письменному столу, вырвала лист из какого-то старого альбома и тут же фломастерами нарисовала открытку. Как учили в первом классе. Прямо уши заложило от стыда, картинка вышла торопливая и не смешная, Лидка разорвала ее на мелкие кусочки и нарисовала новую, ничуть не лучше, но эту рвать уже не стала – все равно больше ничего не было...

Она долго не могла заснуть. Ворочалась и вспоминала слова Андрея Игоревича про то, какая молодец Лидкина мама. Со спокойной совестью могла бы и не рожать ее, Лидку, а вот родила...

А мама неожиданно обрадовалась Лидкиной кособокой открытке. Даже прослезилась. Долго благодарила, Лидка и забыла уже, когда в последний раз все в доме были такие веселые и добрые...

Ушла в лицей, высидела первых три урока, сбежала к морю. Компания собралась большая – четверо мальчишек из средней группы, четверо из младшей и всего три девчонки. Картошку купили по дороге, на колбасу не хватило денег.

Едва успели разжечь в камнях костер, как явилась, сунув руки в карманы, недружественная делегация. Вообще-то территория двести пятой школы была чуть дальше, у грузового причала; имело место наглое нарушение границ: десять парней подошли молча, в каждом рту торчало по сигарете, и Лидка внутренне заметалась, пытаясь сопоставить силы. «Наших» было куда меньше, если не считать девчонок, а чего их считать-то, какие из лицейсток бойцы?!

Оказалось, она ошиблась. Лицейстки вполне боеспособны.

Разговор был коротким и сплошь нецензурным. Чужаки пришли специально затем, чтобы побить морды «этим чистюлям»; почти у всех нападавших были кастеты, и несколько лицейских морд действительно оказались разбитыми на первых же секундах драки.

По всем правилам «пацаны» из двести пятой должны были удовлетвориться расквашенными носами, захватить трофейную картошку и отбыть с победой.

Но все сложилось не по правилам.

У одной из лицейских девчонок, Зои, был газовый баллончик. У другой, Инги, сапожное шило; баллончик выбили сразу. Шило оказалось куда эффективнее.

– А-а-а! Стер-рва!

В самый неподходящий момент Лидка узнала этого парня. Он был на дне рождения у Светки, а теперь напоролся на Ингин импровизированный стилет, скорчился, двумя ладонями зажимая рану, рубашка его стремительно темнела на животе, тем временем товарищ его, тоже смутно знакомый, уже сбил Ингу с ног и молотил ее ботинками по груди, по голове...

Лидка завизжала.

Кто-то упал в костер. Кто-то метко бросил камень; кто-то спиной налетел на острый выступ скалы и безвольно сполз на землю.

– Мама! – закричала Лидка.

Все повторяется, сказал ее внутренний голос с интонацией Андрея Игоревича.

Она повернулась и бросилась бежать. Споткнулась, упала на груды ракушек и рассадила себе щеку.

* * *

– Почему?! Почему тебя постоянно тянет, как свинью, в грязь?! Почему ты находишь болото где только можно? Почему?!

Маму было жалко. Да еще в день ее рождения...

После схватки на берегу пятеро оказались в реанимации. По паре мальчишек из двести пятой и из лица. И еще Инга, которая на другой день умерла.

Были слезы и крики. Пощечины, от которых Лидкина голова отлетала далеко назад, удивительно еще, как она не оторвалась вовсе. Было общее собрание в лицее, и закрытое родительское собрание, и вопросы следователя: кто нанес смертельный удар? Этот? Или этот? Сапожное шило в засохшей крови: это шило? Не это?

Лидка на все отвечала одинаково, тупо: не помню... не заметила... испугалась, не видела... И следователь, сухощавая молодая женщина, все сильнее презирала ее и даже ненавидела. И не особенно старалась скрыть свои чувства.

– Кажется, кое-кто из этих ребят очень грустно начнет свою взрослую жизнь... В начале цикла оказаться в колонии – скверно, особенно для молодого человека...

– А вы сначала переживите апокалипсис, – сказала Лидка неожиданно для себя.

Следователь странно посмотрела на нее, поморщилась и отпустила. Не поднимая головы, Лидка вышла из кабинета директора, где происходили допросы свидетелей, спустилась на второй этаж, постучала и вошла. Села на свое место.

Рысюк смотрел на нее. Она ощущала его взгляд ухом. Терпела минуты три, потом повернула голову, вызывающе уставилась соседу в глаза:

– Ну что?

Рысюк смотрел в отличие от следовательши не презрительно. Но и без сочувствия.

Лидка повернула голову так, чтобы Рысюку виднее был пластырь на щеке:

– Красиво? Нравится?

– Эй, разговоры на первой парте, – устало сказала химичка.

– Не нравится. – Рысюк отвел взгляд. Сказал себе под нос, вроде бы и не рассчитывая на слушателей: – Бардак... Черт, какой бардак... Никто ничему не учится...

Лидке показалось, что эти слова она уже где-то слышала.

Ей казалось, весь город должен встать на уши, что все газеты должны выйти в траурных рамках; ничего подобного. Соседка Светка сообщила, что в двести пятой уже были подобные жертвы. Что в большой потасовке с семьдесят седьмой, например, троих мальчишек забили ногами. «Жизни не знаешь», – говорила Светка снисходительно.

Зато лицей бурлил. Средняя группа – Лидка слышала – вслух говорила о мести. О неприимой войне; прежде миролюбивые лицеисты, оказывается, только и ждали искры, чтобы расплатиться с двести пятой «за все». В голос рыдали Ингины одноклассницы – может быть, при жизни у бедной девочки не было такой массы друзей и подруг. Кое-кто предлагал использовать родительские связи, но большинство презирало поддержку взрослых. В открытую шли разговоры об оружии, о взрывчатке; Лидку мучило. Болела пораненная щека. Стыдно было смотреть на себя в зеркало. И уж конечно, не хотелось встречать Славку Зарудного.

Славка сам подошел к ней на перемене. И застал врасплох.

– Отец спрашивал, как дела.

– Хорошо. – Она погладила пластырь на щеке. – Я тебе подшивки принесу завтра прямо в лицей.

– Завтра меня не будет.

– Тогда послезавтра, – сказала она, думая о своем.

Славка помолчал.

– Меня вообще больше не будет в лицее. Перехожу на экстерн... с репетиторами.
Теперь помолчала Лидка.
– Из-за... этой дурацкой заварухи?
– Да, – Славка не стал отпираться. – И в общем-то, отец говорит, что все это только начало. Будет хуже.

* * *

– Ты куда?! – спросила мама. – Я же просила... не выходить из дома!
– Мне к Зарудным надо, – пробормотала Лидка, отступая. – Я уже по телефону договорилась.
– Ты не можешь обождать пару дней? – спросила мама тоном ниже. – Пока не уляжется вся эта... все это...
– Оно уже никогда не уляжется! – крикнула из комнаты Яна. – Дома надо сидеть!
– Вы преувеличиваете, – сказал из кухни отец. – Пусть идет. Не война же, в самом деле...
И потом – она же к Зарудным!
– Я обещала Андрею Игоревичу... кое-что отдать, – сказала Лидка, ободренная поддержкой.

Мама наконец сдалась:

– Но чтобы засветло была назад! И обязательно позвони, Тимур тебя встретит от скоростного...

Лидка торопливо кивнула.

Отцветали плодовые деревья. Двор был весь усыпан лепестками; Лидка опасливо оглянулась. За каждым кустом сирени могла сидеть компания из двести пятой. Или из семьдесят седьмой. Или просто безымянная компания школьников, для которых одиноко идущая девочка – настоящая находка...

Отец недооценивал ситуацию. Не война, нет. Но хуже войны. Хорошо, что мама многого не знает...

Но скоро узнает, и тогда Лидку перестанут выпускать даже в лицей.

Она торопливо зашагала к выходу со двора; на улице, среди взрослых, было куда спокойнее. Потом людная станция скоростного трамвая, потом привилегированный квартал с патрулями. Относительно безопасный путь.

Скамейка, протертая штанами местной молодежи, теперь была пуста. Подозрительно пуста; и еще подозрительнее было то, что в двух шагах от нее, на месте бывшей детской песочницы, сидела прямо на земле незнакомая девочка.

Лидка сперва замедлила шаги, потом опять ускорила. Дурных нет. Заводить разговор с незнакомцами, особенно если они сидят на земле, безвольно уронив голову...

Плохо, что она сидит так близко к дорожке. Лидка подумала, не сделать ли круг, но потом устыдилась.

Девчонка подняла голову и посмотрела... нет, не на Лидку. Сквозь нее. Лицо у девчонки было синюшное, а глаза большие и бессмысленные, но не это испугало Лидку.

Сидящая девчонка оказалось Светкой с четвертого этажа. Совсем незнакомой Светкой, в дырявой кофте с чужого плеча, с чужим остановившимся взглядом.

Лидка замедлила шаги.

– Свет...

Ответа не было и не могло быть. Светка снова уронила голову на грудь. Потом мягко повалилась на спину, перекатилась на бок и застыла в утробной позе, подтянув колени к животу.

Лидка огляделась. Окна двух больших домов выходили на эту площадку, и Светкины окна тоже, и можно бросить в окно камушком, но до четвертого этажа Лидке не добросить...

Лидка колебалась ровно одну минуту. Очухавшись, Светка не поблагодарит за такую «помощь», но хуже будет, если ее подберет патруль... И вообще, она может умереть...

Бегом в подъезд. У своей двери Лидка чуть притормозила: может быть, перепоручить маме? Но тогда ее точно перестанут выпускать. Когда увидят *это* не в газете, а совсем рядом, всего этажом выше...

Звонить в Светкину дверь пришлось долго, Лидка уже отчаялась, решила, что никого нет дома.

После долгих невнятных ктотамов дверь открыла Светкина мать. Лидка отшатнулась от густого, устоявшегося запаха, которым полна была квартира; пахло перегаром и чем-то еще, так иногда пахнет на вокзалах.

– Чего тебе? – спросила Светкина мать, и Лидка поняла, что та едва ворочает языком.

– Светке плохо, – сказала она, не вдаваясь в подробности. – Во дворе лежит.

– То есть как – лежит?! – Соседка тряхнула головой, глаза приобрели осмысленное выражение.

Лидка без слов махнула рукой, показывая вниз, во двор. Светкина мать отстранила ее и, как была, в халате, зашлепала тапочками по бетонным ступенькам...

Через минуту со двора раздалось причитания. Где-то хлопнуло окно; Лидка услышала, как этажом ниже открывается ее собственная дверь, и кто-то, кажется, отец, выходит узнать, в чем дело...

Она бросилась по ступенькам, но не вниз, а вверх. Добралась до пятого этажа, по железной лесенке вскарабкалась на чердак; люк на крышу давно был взломан, чтобы открыть его, следовало только правильно повернуть ручку, Лидка знала как, причем знала от той же Светки.

На крыше било в глаза солнце. Если б не лес антенн и переплетение проводов, здесь было бы даже здорово, а еще лучше было бы, если б крыша не просматривалась со всех сторон. Пригибаясь, как партизан, Лидка преодолела расстояние от люка до люка. Попробовала приподнять – не поддается, видимо, здесь в который раз постарался дворник. Вот морока; добрые дела всегда наказуемы. Да оставила бы Светку лежать под перекрестными взглядами многих окон – неужели никто не подобрал бы?! Нет, побежала, задрал хвост...

Все так же на карачках она добралась до последнего, третьего люка. Рывок, ржавая ручка чуть не осталась у нее в руках, но люк все же соизволил приоткрыться. Радуюсь своей худобе, Лидка влезла в образовавшуюся щель. Обдирая ладони, спустилась по железным перекладинам – и облилась потом, услышав за спиной утробный хохот.

Они стояли на лестнице, перегораживая ее в несколько рядов. А как им иначе стоять, если их шестеро, шесть здоровенных лбов, а лестница узкая, а площадка маленькая?!

Все они курили, но запах от их сигарет был нехороший. Неправильный запах. Лидка закашлялась.

– Тю, по крышам лазит...

– Девка, хочешь закурить?

– Девка, иди сюда...

За их спинами были двери квартир пятого этажа. Если громко завопить...

– Я иду к депутату Зарудному, – сказала она, не узнавая своего голоса. – Если я скажу – вас всех посадят! Ты, – она ткнула дрожащим пальцем, – из сто второй квартиры!

Ей выпустили в лицо струю приторного дыма.

– А... Это девка из первого подъезда...

– Так она подстилка Зарудного?

– Ага... Наверное.

Совершенно ясно было, что выбраться обратно на крышу она не успеет; чья-то липкая рука ухватила ее за запястье; в это время пролетом ниже, на пятом этаже, приоткрылась дверь, на цепочку, и визгливый женский голос заголосил на весь дом:

– А ну пошли отсюда, паскудники! Я милицию вызываю, ясно вам? Повадились тут кучковаться, свиньи, вот сейчас наряд приедет!

Парни, как один, обернулись на звук; Лидка рванулась вперед и, пробив себе дорогу между мягкими, будто желейнными, телами, вырвалась на площадку пятого этажа.

Дверь крикливой дамы с грохотом захлопнулась; Лидка уже неслась по ступенькам вниз, ей вслед летели улюлюканье и тошнотворный жирный хохот.

* * *

– Все правильно, – сказал Славка. – Общество само себя чистит. Я бы не из-под полы эту дрянь продавал, а наладил бы выпуск в промышленных масштабах. Чтобы в каждой аптеке – хоть завались. Все желающие – пожалуйста... Нюхать, курить, колоться. Чем скорее, тем лучше. Тогда к моменту *мрыги* население сократится. Чтобы всем хватило времени на эвакуацию. Всем *нормальным* людям.

– Это твой отец так думает? – тихо спросила Лидка.

Славка хмыкнул:

– При чем тут отец? Отец по имиджу – гуманист... Ну вот скажи честно: тебе эту Светку жалко?

Лидка задумалась. Но вспомнила не Светку, а тех парней на лестнице. Вот уж кого не жалко ни капельки. Чем скорее они сдохнут, тем лучше...

А потом вспомнила Славку, каким он был в музее. Коротко, исподтишка глянула на депутатского сына – сказать сейчас то, что вертится на языке? Но тогда, скорее всего, «детской дружбе» конец и встречам с депутатом Зарудным – тоже...

– А давай фильм посмотрим, – пробормотала она в ответ на его удивленный взгляд. – А то у меня времени мало... Обещала вернуться засветло.

* * *

До дня окончательного апокалипсиса, вычисленного по методу Бродовского—Фильке, осталось сорок пять дней.

Теперь Лидку отвозили в лицей и забирали из лицея. Близились экзамены; у входа и в коридорах дежурили охранники.

В семьдесят седьмой какой-то кретин притащил на уроки пистолет и перестрелял четверых одноклассников.

В двести пятой грохнули под чьей-то партой самодельный взрывпакет. Кого-то судили, кого-то упекли в колонию; все равно ни дня не проходило без стычки. Сломанные носы считать перестали – считали только проломленные черепа. И мертвецов, а их по всему городу было уже изрядно.

В лицей приходил проповедник. На перемене вокруг него образовалась заинтересованная толпа; Лидка кружила вокруг да около, а потом прислушалась.

Спокойным, даже чуть усталым голосом проповедник рассказывал о человеческих грехах, в который раз переполнивших чашу терпения Его. Предлагал оглянуться вокруг, поглядеть на себя со стороны – все, все погрязли во грехе, и кто знает, смиляется ли Он на этот раз и откроет ли спасительные Врата, чтобы дать человечеству еще один шанс...

С неба опустится огонь. Из моря выйдут чудовища. Все, как обычно.

Лидка ощутила, как изнутри, откуда-то из живота, поднимается к горлу холодный сгусток.

...Доска объявлений оказалась сплошь заклеена листовками. Новыми, крупными, и фотография желтолицего была тоже новой, отличного качества. Слова «девятое июня» были выделены жирно и красным. И горела, корчилась в огне человеческая фигурка.

Листовки покрывали стены и столбы, трепетали краешками у входа в Лидкин подъезд, а одна прилепилась на двери как раз на уровне глаз.

Лидка против воли прочитала:

«Погибшие цивилизации не оставили после себя ничего, кроме пепла. Жители исчезнувших городов так же верили в бесконечность... Сограждане! Наш мир доживает последние дни! Поспешим очистить души, ибо только те, кто чистыми предстанут... девятого июня...»

Нижний край листовки был оборван. Из-под неровного края выглядывал пошлый рисунок, и Лидка даже знала, кто его здесь нацарапал – один из отставных Светкиных ухажеров.

Но ведь проповедник в лицее говорил, что, хоть Он и разгневан, жалость, возможно, снова возьмет верх, и Врата откроются!

И проповедник не называл точной даты. Он говорил «скоро» и в подтверждение своим словам делал широкий жест рукой, будто приглашая полюбоваться творящимся вокруг безобразием...

Двери открыла Яна.

– Что с тобой? Опять двойка?

Лидка молча прошла мимо, удалилась в свою комнату и плотно закрыла за собой дверь.

* * *

– Славы нету дома, – сказала Клавдия Васильевна Зарудная, жена депутата и Славкина мама. – Он у врача, лечит зубы. Позвони завтра, Лида.

Она собралась с духом:

– Прошу прощения... Андрей Игоревич дома?

Пауза.

– Андрей Игоревич дома, – сказала Клавдия Васильевна, и в голосе ее было вежливое удивление. – Но он занят.

Для храбрости Лидка напрягла мышцы живота:

– Прошу... прощения. Можно... позвать его к телефону?

Пауза.

– Он занят, Лида. – Голос уже прямо-таки ледяной. Следующим пунктом разговора будут короткие гудки.

– Пожалуйста! – почти крикнула Лидка, и что-то в ее голосе, наверное, было, потому что Клавдия Васильевна удержалась и положила трубку не на рычаг, а, по всей видимости, на столик.

Крышка столика вибрировала, как мембрана, позволяя Лидке слышать далекие шаги, сперва удаляющиеся, потом приближающиеся:

– Он *очень* занят, Лида... Позвони позже.

Отбой.

Лидка посидела на полу перед телефоном. Вернулась к столу, к беспорядочно набросанным учебникам.

Впрочем, уже можно не притворяться, не симулировать подготовку к экзаменам. Маме не до того, а отцу тем более. Даже Тимур не зубоскалит, даже Яна не придирается. Все старательно делают вид, что ничего не происходит. Всем почему-то очень важно сохранить видимость жизни. Говорить о лете, стричься и красить волосы, покупать новый купальник. Дого-

вариваться с начальником насчет отпуска в июле. Высаживать цветы в горшочек, проводить консультации перед экзаменами, репетировать выпускной вечер для средней группы, при этом почти уверовав, что ни отпуска, ни июля, ни выпускного *не будет*...

Завтра, тридцать первого, – сочинение.

Второго – математика. Пятого – история. Девятого – химия.

Девятого.

Лидке захотелось спать. Она легла на диван и с головой укуталась пледом. В комнате жарко и душно, но этот озноб...

Сон не шел.

Она села на диване. Зуб на зуб не попадал.

Она заболела.

Нет, она здорова. Она просто дико устала от ожидания. От страха. Еще эти экзамены, будто старый горчичник, который почему-то нельзя снять. Человек уже умирает, а ему горчичник на грудь, и нельзя отлепить вонючую бумажку, почему-то нельзя...

Лидка вышла на балкон.

Было тепло и сыро. Пахло мокрой пылью.

Она навалилась на перила и посмотрела вниз. Под самым домом лежала темная полоска асфальта. Если упасть головой вниз...

В какой-то момент ей поверилось, что она не просто может это сделать, а не сумеет этого избежать. Перелезет через перила и прыгнет, как учили в бассейне, головой вниз. Раз – и нету ничего...

Третий этаж. Низковато. Был бы, например, седьмой – не раздумывала бы, а так остается вероятность неудачи, боли, жизни со сломанным позвоночником. Если подняться на крышу... Но ведь это надо выходить из квартиры, куда-то идти, встречать соседей, отвечать на недоуменные вопросы...

Лидка разжала пальцы на перилах. Побрела в комнату, включила телевизор. Просто так, механически.

– ...пожилые люди прекрасно помнят, как во время позапрошлого кризиса, в конце пятидесят первого цикла, то есть почти сорок лет назад, такая же оголтелая шайка играла на естественном для человека страхе апокалипсиса! Их рекламные тексты используются почти дословно и нынешними кликушами, совпадает время начала кампании – за двести дней до оглашенного срока, а день выбран до крайности цинично – накануне выпускных балов наших детей!

Лидкины щеки и уши вспыхнули, зачесались, сделались жгуче-горячими и, наверное, ослепительно красными.

– Здравствуйте, Андрей Игоревич...

И, будто услышав ее лепет, депутат Зарудный энергично кивнул:

– Да! Удар всей своей тяжестью пришелся именно на них, ожидающих свой первый апокалипсис! На них, не знающих цены бульварным листовкам! Именно среди последнего поколения, причем средней и младшей групп, со страшной скоростью растет число суицидов, множатся молодежные секты, причем я предпочел бы видеть своего сына скорее в подростковой банде, чем в таком вот клубе самоубийц!

Лидка глупо хихикнула. Вообразила себе Славку в подростковой банде – того Славку, что сидит сейчас за тремя замками...

– А мы, родители? – Андрей Игоревич подался вперед, впериw взгляд Лидке в переносицу. – Мы уделяем время на то, чтобы рассеять преждевременный страх наших детей? Или сами поддаемся ему, пусть тайно, но поддаемся?

Депутат Зарудный выдержал паузу.

– Смотрите!

Боковая камера уставилась в документ, который Славкин папа держал в руках. Лидке вспомнился настольный хоккей и то, с какой ловкостью эти руки манипулировали пластмассовыми игроками...

– Смотрите! Этой листовке почти сорок лет... «Погибшие цивилизации не оставили после себя ничего, кроме пепла! Жители исчезнувших городов так же верили в бесконечность! Наш мир доживает последние дни! Двадцатого сентября наступит объявленный апокалипсис, но Ворота не откроются!»

Депутат Зарудный резким движением разгладил листовку на столе. Посмотрел Лидке в глаза:

– Если бы в этой листовке было хоть слово правды, ни я, никто из второго поколения, из тех, кому сейчас под сорок, не появился бы на свет. Но это чистая ложь, принесшая своему изобретателю конкретную, вполне материальную выгоду... Некий Александр Бродовский, психо-аналитик, профессор, академик, впрочем, как выяснилось, самозванный... В тот раз апокалипсис наступил шестого апреля следующего года, и Ворота открылись, и наши родители вступили в новый, пятьдесят второй цикл! А теперь...

Лидка отшатнулась. С экрана смотрело знакомое желтое лицо – представитель движения «За чистоту души», мастер расчетов по методу Бродовского—Фильке был сфотографирован анфас и в профиль.

– А теперь, – голос депутата Зарудного проникновенно звучал за кадром, – посмотрите на этого человека. Виктор Александрович Бродовский, родной сын автора листовки, человек, встречающий уже третий свой апокалипсис, перенявший и обогативший приемы отца... В настоящее время арестован, содержится в следственном изоляторе. Под следствием находятся двадцать три человека, еще как минимум сотня ожидают ареста как сообщники... За распространение заведомо ложных сведений касательно предстоящего апокалипсиса, проводимое с особой циничностью и при помощи средств массовой информации. За стяжательство, подкуп должностных лиц, клевету, самозахват общественных зданий, неподчинение властям, уклонение от налогов...

Лидка перевела дыхание. С каждым словом Андрея Игоревича фотография желтолицего, казалось, все более мрачнела, тушевалась, щеки приобретали горчичный оттенок, а горящие глаза подергивались обреченной мутью. Секунда – и на экране снова возник строгий, сосредоточенный Славкин папа.

– Парламентская комиссия по делам предстоящего апокалипсиса уполномочила меня заявить, что в стране пресечена деятельность крупной антиобщественной группировки. Якобы научные сведения о том, что девятого июня наступит не очередной апокалипсис, а окончательный конец света, лишены всяких оснований, это выдумка и откровенная ложь. Дата апокалипсиса не поддается прогнозам! И только от нас, людей, зависит, сколько жизней унесет очередной катаклизм! Я призываю поколения сплотиться, десятого июня нас ждет общий праздник – выпускной вечер средней группы, наши дети, внуки, братья вступают во взрослую жизнь... Пусть этот день станет днем единения поколений перед лицом апокалипсиса, залогом нового, мирного, успешного цикла...

Андрей Игоревич поднялся. Лидке показалось, что он видит ее. В этот самый момент – видит.

* * *

УЧЕНИЦЫ МЛАДШЕЙ ГРУППЫ

9-го «Б» класса

СОТОВОЙ ЛИДИИ

экзаменационное сочинение

на тему: «Молодежь в новом цикле»

Мы, младшее поколение, встречаем свой первый апокалипсис с надеждой и тревогой. Ни для кого не секрет, что из-за неорганизованности, эгоизма, низких моральных качеств, звериных настроений в кризисном обществе дорога к Воротам может оказаться последней для некоторых людей... Но мы, молодежь, должны верить в будущее. Мы должны учиться и готовить себя к взрослой жизни. В начале нового цикла именно на нас ляжет вся тяжесть восстановления производства, воспроизведения потомства, то есть детей. Мы должны смело смотреть вперед, крепко дружить, помнить все то хорошее, что дала нам школа. Мы должны уважать родителей и старших. И наше правительство и парламент, особенно парламентскую комиссию по делам апокалипсиса. Это самая нужная сейчас комиссия. Мы знаем, в новом, пятьдесят четвертом цикле нам предстоит большая интересная работа. Мы готовимся к ней уже сейчас...

ОЦЕНКА: четыре.

ПРИМЕЧАНИЕ: В целом девочка мыслит правильно.

* * *

Она боялась, что трубку возьмет Клавдия Васильевна. Славкина мама считает, наверное, что депутатское время слишком дорого и на праздный разговор со школьницей не стоит тратить ни единой минутки...

Сразу после выпускного Славку увезут на какую-то дальнюю дачу, и у нее, Лидки, пропадет всякое право звонить по домашнему депутатскому телефону. Потому она рассчитывала, что сейчас трубку возьмет сам Славка, и тогда, поболтав немного, можно договориться о визите.

И уж конечно она и надеяться не могла...

– Лида? Ага, привет... Как экзамены?

Она зажмурилась, сжимая телефонную трубку.

Она хотела сказать Андрею Игоревичу, что он спас ее и вернул к жизни. Что если бы не депутат Зарудный – шагнуть бы ей рано или поздно с балкона, даром что третий этаж. Что она, Лидка, ужасно жалеет, что в последнее время не может встречаться с ним, беседовать и играть в настольный хоккей. Но надеется на встречу, хотя бы на выпускном вечере, хотя больше всего на свете ей хочется поприсоединиться к гостям.

– Добрый день, Андрей Игоревич... Экзамены?

Она глупо улыбнулась, благо, собеседник не мог видеть ее щенячьего восторга.

...По математике ей все-таки поставили три. Как ни сиди над книжкой в последнюю перед экзаменом ночь – полгода прогулов не наверстаешь. Она бы выкарабкалась за счет старых тем, которые проходили еще в восьмом классе – но билет попался неудачный, с уравнениями. Зато по истории ей удалось цапнуть пятерку: Михаил Феоктистович не дослушал сбивчивого ответа, махнул рукой и выставил «отлично», и Лидкиной радости не было предела – правда, чуть-чуть огорчило известие, что *все* девчонки получили у Фео по пятерке. «Мудрый старец, – говорил Игорь Рысюк. – Догадывается, что в университет вы все равно не ломанетесь и приемного балла не повысите. Совершенно безопасная, дармовая пятерочная масса...»

Лидка радостно потрянула головой:

– Андрей Игоревич, у меня по истории – пять!

– Поздравляю, – искренне обрадовался собеседник, но Лидка испугалась, что сейчас он пожелает ей счастливого лета и повесит трубку.

– Андрей Игоревич, вы ведь будете у Славы на выпускном? – спросила она торопливо, даже не спросила, а как бы смоделировала события, заранее вызывая к жизни ту вероятность, которая могла ее устроить. Кажется, это называется «установка на успех».

– Нет, – сказал депутат Зарудный, одним словом проваливая все ее планы. – Никак не смогу, Лидка. Дела.

Лидка молчала. Собеседник не мог видеть ее лица; наверное, следовало сказать: «Как жаль».

Почему-то она очень рассчитывала на этот вечер. Когда после торжественного поздравления выпускников начнутся закуска и танцы и будет возможность если не поговорить, то хотя бы постоять рядом.

– Андрей... Игоревич. Я хотела вам сказать...

Пауза.

– Что, Лидка?

Драгоценные депутатские секунды бегут бесплодно и бесповоротно, как вода в песок.

– Ты хотела сказать что-то важное?

Лидка прикрыла глаза.

– Да. Что-то важное.

– Тогда приходи в зоопарк, – весело сказал депутат Зарудный, и Лидке показалось, что она ослышалась.

– Что?

– Через час у меня официальная встреча с директором зоокомплекса. А потом будет свободных полчаса. Ты давно не была в зоопарке?

* * *

УЧЕНИЦЫ МЛАДШЕЙ ГРУППЫ

5-го «Б» класса

СОТОВОЙ ЛИДИИ

сочинение

на тему: «Звери в живой природе. Зимний лес»

В зимнем лесу мы видели следы зайца. Лапы зайца-беляка похожи на снегоступы. Широкие ступни, на которых растет мех. Это позволяет зайцу не проваливаться в глубокий снег и уходить от погони.

Только у млекопитающих тело покрыто мехом или волосом. Только у самок млекопитающих вырабатывается молоко, которым они кормят детенышей. В нашем заповеднике зимой устанавливаются кормушки для диких зверей – зайцев, белок, лосей. Хищники – волки и лисы – выполняют роль санитаров, истребляя больных и слабых животных.

Млекопитающие, как и люди, не способны пережить апокалипсис вне укрытия. Инстинкт самосохранения указывает животным путь к Малым Воротам, и там они укрываются от смерти. Поголовье диких животных после апокалипсиса сокращается примерно вдвое, но сохранившаяся по-пу-ля-ция способна воспроизводиться. Поголовье домашних животных (крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, птица, пушные звери) сокращается в три, а то и в четыре раза. Поэтому в начале нового цикла хозяйство испытывает недостаток продуктов животноводства. Поэтому так важно для экономики наладить производство консервированного мяса. Неприкосновенный запас сохраняется в подземных кладовых до начала нового цикла...

ОЦЕНКА: три.

Не стоит целиком переписывать фразы из учебника!

* * *

Давным-давно, лет десять назад, когда все они, дети нового цикла, были настоящими маленькими детьми – тогда и зоопарк был огромный, туда ходили по очереди все классы, все школы, там проводили уроки живой природы, туда выстаивали очередь по выходным – с родителями, с конфетами, с воздушными шарами...

Она купила билет – взрослый, разумеется. Где-то в несгораемых сейфах хранятся до поры желтенькие билеты с пометкой «детский» – им еще долго ждать своего часа. При самом лучшем раскладе – еще лет пять.

Лидка нервно огляделась: да, у директорского домика стайей собрались черные машины. Значит, официальное мероприятие идет полным ходом.

Аллеи были почти пусты. От клетки к клетке шатались редкие влюбленные парочки. Один раз, смертельно напугав Лидку, прошла компания незнакомых мутноглазых парней. Парни не обратили на нее внимания, но она долго еще оглядывалась и вздрагивала, сжимая в сумочке бесполезный газовый баллончик.

В вольерах бродили понурые лоси, дикие козы, еще какой-то рогатый скот, чье название Лидка не удосужилась прочитать. Сперва она делала вид, что ей столь интересен вид жующего буйвола, что она готова созерцать его час за часом. Потом нашла очень удобную скамеечку: от посторонних взглядов ее защищал пышный куст, директорский же домик был как на ладони.

Под скамейкой в пыли валялись окурки со следами яркой помады. Лидка ждала, и ей не было скучно. Само ожидание было таким глубоким, таким наполненным, что радости этого ожидания хватило бы на целый день.

Потом двери директорского домика открылись, и к машинам вышла строгая, партикулярная до оскомины толпа.

* * *

– ...Ты видишь, этот зубр маркированный. Маркированных особей – четыре на весь зоопарк... Жаль, что ты не хочешь заниматься биологией.

Зубр жевал. Секунды бежали. Лидка знала, что сегодня вечером станет вспоминать каждую из них. Каждое слово.

Какое ей дело до зубра?! Зубр ничего не понимает в этой жизни. Через несколько недель его вывезут в лес, некоторое время он будет таращиться на мир без вольеров. Потом почует неладное и, если повезет, успеет добрести до Малых Ворот... Всякий раз находятся исследователи-самоубийцы, пожелавшие увидеть и описать Малые Ворота, пробраться туда вместе с дорогими сердцу четвероногими тварями. Но никто из смельчаков не возвращается; в начале цикла по лесам бродят слегка очумелые, маркированные перед катастрофой звери, и они, конечно, не умеют рассказать, куда девался тот парень, полгода проживший среди стада обезьян. Или другой, никогда не расстававшийся с любимой лошадью. Или третий... Да мало ли их было, посвятивших жизнь свою и смерть науке «кризисной биологии»?

Они шли мимо вольеров – пустых и полупустых. Эвакуация зоопарка началась с экзотов; клетки и аквариумы прикрыты были щитами, на каждом из которых красовался фотопортрет эвакуированного зверя. «Панголин. В связи со скорым апокалипсисом переведен в соответствующий климатический пояс». «Древесный долгопят. В связи со скорым апокалипсисом переведен...»

– И это тоже заслуга нашей комиссии, – сказал Зарудный с почти мальчишеской похвалой. – В прошлом цикле, например, до зоопарка ни у кого не доходили руки. Продовольствен-

ный кризис, транспортный кризис, эпидемия... И все эти красавцы остались здесь и погибли в клетках. А в этом цикле мы позаботились заранее...

Позади, отстав шагов на пятьдесят, брели два равнодушных с виду крепыша. Дышали воздухом. Как бы невзначай оглядывали скамейки и кусты по обе стороны аллеи.

Зарудный остановился. Провел ладонью по оградке, скептически посмотрел на свою руку и прислоняться не решился.

– Вот я и дожил до совершеннолетия сына, – негромко сказал он, глядя в небо. – Кто бы мог подумать... Лидка, что ты хотела сказать?

Она перевела дыхание. Сейчас она скажет. Ну же, раз, два, три...

Зарудный вдруг схватил ее за руку:

– Смотри!

Огромное, наполовину усохшее дерево казалось сплошь покрытым белками. Через минуту оказалось, что белок всего две, что они носятся, танцуя, оплетая движениями ствол, задирая друг друга, играя в некую каскадерскую разновидность догонялок. Лидка смотрела на белок и ощущала руку депутата на своем запястье.

Горячая ладонь.

Ей захотелось, чтобы эта рука погладила ее по голове. И по плечу. И по щеке. Ей захотелось взять эту руку – и никогда не выпускать. А еще лучше – коснуться губами.

Белки разбежались; одна из них перемахнула ограду, вскочила в деревянное колесо и заработала лапами, будто на тренажере.

– Вот так и вертимся по кругу, – глухо сказал депутат Зарудный.

– Что? – спросила Лидка, боясь пошевелиться.

Но он все равно выпустил ее запястье.

– Что ты хотела мне сказать, Лидка?

Лидка проглотила слюну. Сейчас ей больше всего хотелось попросить, чтобы он снова взял ее за руку.

Но она молчала.

– Завтра девятое июня, – проговорил Зарудный, изучая стрелку-указатель. И поддержал рукав пиджака. Коротко блеснул циферблат дорогих часов.

Лидка молчала.

– Лидка... Ты ведь больше не боишься? Этого... объявленного апокалипсиса?

Она посмотрела ему в глаза:

– Нет. Вы научили меня не бояться.

Вот и все. Все сказано.

Зарудный засмеялся. Ветер играл его галстуком – тонким и темным, с неразборчивым мелким рисунком.

– Наверное, ты права... Эти гады в тюрьме, и они уже никого не напугают. А послезавтра будет Славкин выпускной. – Он помолчал. Лидка ждала. – Но апокалипсис... все равно наступит. Через полгода ли, через год...

Лидка упрямо выпятила нижнюю губу:

– Все равно. Я не боюсь.

– Да. – Депутат Зарудный первым отвел глаза. – Наверное, ты права... Лидка. Видишь ли...

В далеком вольере закричала какая-то недовывезенная тварь.

– Моя мама погибла в прошлый апокалипсис, – сказал Зарудный как-то даже обиженно. – Ты думаешь, ее накрыло горячим облаком? Или она отравилась? Или попалась глефам?

Лидка молчала. Ей вдруг стало холодно.

– Нет. Ее затоптали перед самыми Воротами. Люди ломались, зная, что через несколько минут будет поздно. Она споткнулась...

Теперь Лидка взяла его за руку. Прикосновение отозвалось будто ударом тока; Лидку до самых пяток пробрал горячий озноб.

– Самое страшное, Лида, не твари из моря, не метеоритный дождь... Самое страшное – толпа на подступах к Воротам. Будь осторожна, прошу тебя.

Лидка глядела на него во все глаза.

– С каждым новым поколением люди становятся выше. Расплачиваются за это болью в позвоночнике, но – растут. Школьникам не объясняют, почему это происходит... Но те, кто ниже ростом, имеют больше шансов погибнуть в толчее. Я говорю это не затем, чтобы снова напугать тебя. Я хочу, чтобы в момент катастрофы рядом с тобой, Лида, обязательно кто-то был. Кто-то достаточно сильный, чтобы поддержать тебя.

Лидка сильнее сжала его руку. «Как бы я хотела, чтобы это были вы».

Наверное, эта мысль отразилась на ее лице.

– Лида, – сказал Зарудный медленно. – Через два дня будет очень важное выступление по первому каналу. Мое выступление. Обещай, что будешь смотреть.

– Конечно, – шепотом согласилась она.

– Я думаю, что это будет поворот... в нашей общей судьбе. Я очень на это надеюсь. А теперь – извини, у меня больше нет ни минуты.

Она поняла, что все еще держит его за руку. Что это может показаться странным. И что пальцы надо во что бы то ни стало разжать – хоть зубами.

...Возвращались в молчании. Безмолвно шагали следом два внимательных крепыша. Белки почему-то избрали их объектом повышенного внимания – ждали, наверное, подачки.

– Славка готовится на исторический? – спросила Лидка медленно.

Депутат кивнул.

– Я, наверное, тоже, – сказала она неожиданно для себя.

Он обернулся:

– Да?!

И обнял ее за плечи. Широким движением взрослого, которого порадовал ребенок. Но не отцовским, а скорее братским.

Лидка затаила дыхание. Ткнулась носом в тонкий галстук, изо всех сил вдохнула исходящий от Зарудного запах, чтобы потом наверняка вспомнить. Чтобы воспроизвести это затянувшееся мгновение до малейших деталей.

– Молодец, – сказал депутат Зарудный. – Ну какой же ты молодец, Лида.

* * *

Утро девятого июня было солнечным, птичьим, бесконечно обаятельным. Под форменный пиджак Лидка надела парадную белую блузку; новые туфли чуть-чуть сдавливали ногу. Чуть-чуть.

На влажной после ночного дождя скамейке сидела Светка с четвертого этажа. Курила длинную сигарету.

– На экзамен? Нью-нью... А я кинула эту дурную школу. Черт с ней...

– Лида, идем, – сказал отец, который вышел вслед за Лидкой и теперь отпирал машину.

Она втиснулась в крохотный салон и положила на колени букетик мелких шипастых роз – подарок химичке. Время от времени то одна, то другая колючка прорывала бумагу и доставала до Лидкиных пальцев, и тогда Лидка болезненно морщилась.

Сердце стучало где-то в горле.

Девятое число. Девятое; Славкин папа поднял бы ее на смех, но она все равно чуть-чуть боится.

Чуть-чуть.

...Она вымучила четверку.

Химичка благожелательно улыбалась: вероятно, шипастые розы произвели на нее впечатление. Директриса поздравила всех с окончанием учебного года; в актовом зале репетировали поздравление средней группе, но Лидка не была занята в программе.

Ее чуть-чуть водило, как после бокала вина. Кружилась голова. Она искала Славку, но Славки не было ни-где.

Всюду пахло цветами; у входа парень из средней группы подарил Лидке букет колокольчиков. Лидка засмеялась, поблагодарила, потом выбралась из лица и поспешила к скоростному.

Авантюристка, щепка, плывущая по течению. Ей было так радостно и страшно, и так весело, что она рискнула и поддалась порыву. Выскочила из вагона в центре, углубилась в пешеходный квартал, готовая улыбаться и дворникам, и милиционерам, и консьержу-охраннику...

Впрочем, нет. Консьержа-охранника не было на месте – редкость. За все время, что Лидка ходила к Зарудным, такое случалось раза два, не больше.

Она постояла перед открытой пастью пустой кабинки. Пожала плечами, тряхнула своими колокольчиками, даже, кажется, услышала звон.

И пошла по лестнице вверх, к знакомой двери. Чего там скрывать – к нежно любимой двери...

Дверь была приоткрыта. Такого за время Лидкиных визитов не случалось ни разу.

Она позвонила. Никто не вышел; она довольно долго стояла под дверью, но ничего не дождалась. Затаив дыхание, приоткрыла дверь шире и сунула голову внутрь.

К неповторимому запаху зарудновской квартиры примешивался другой, незнакомый и почти неуловимый. Правда, еще и Лидкины колокольчики пахли влажным лугом.

– Слава!

Тишина.

Она вошла, ожидая подвоха. Сейчас на нее кинется из-за угла Славка в резиновой маске, он, дурачок, до сих пор считает, что это смешно...

Она снисходительно улыбнулась.

– Слава! Клавдия Васильевна!

И набрала в грудь воздуха, будто не решаясь в полный голос озвучить свою надежду:

– Андрей Игоревич!

Тишина.

Лидка подумала, что надо повернуться и уйти. Все-таки чужой дом, а она пришла без спроса, без звонка...

Дверь в гостиную была приоткрыта. Лидка не знала всех тайн огромной депутатской квартиры, но в гостиную ее обычно пускали, а потому она сочла возможным заглянуть в дверной проем.

Пусто. В беспорядке разбросанные вещи. Открытый чемодан. Упаковочная бумага на полу.

Лидка смотрела, и букет колокольчиков опускался в ее руке все ниже и ниже.

Следы поспешных сборов. Бегства. Эвакуации. Мерцает пустым экраном невыключенный телевизор.

Лидка отступила назад, в коридор; ковровая дорожка была перекошена, как будто здесь тащили что-то тяжелое. Обрывки шпаката. Скомканые листы бумаги. Никогда, никогда квартира Зарудных не знала подобного беспорядка.

Все двери были приоткрыты.

Они бежали, подумала Лидка, покрываясь холодным потом. Все-таки бежали накануне девятого июня. Как будто... Как будто...

За ее спиной что-то упало и глухо ударилось об пол. Лидка содрогнулась и выронила свои цветы.

Оказывается, свалилась на пол фотография в тонкой рамке под стеклом. Сама не зная зачем, Лидка нагнулась и подняла их одновременно – цветы и рамку.

Парень и девушка, в которых с трудом, но можно узнать Андрея Игоревича и Клавдию Васильевну. Обоим лет по двадцать. У парня на руках – трогательный сверток, перевязанный ленточкой. Из свертка выглядывает маленький курносый нос. Странно, Славка вроде бы не был курносым... или все младенцы такие противные?

Почему она раньше не видела этой фотографии? *Такой* Андрей Зарудный вполне мог учиться в их лицее, в старшей группе... Лидка встречала бы его на переменах...

Ей захотелось швырнуть фотографию об пол. Но она удержалась. Положила рамку на стул вместе с колокольчиками. Вышла в коридор. Потопталась, совершенно не зная, куда теперь бежать и что делать.

Страх почти не было. Зато обида была такая, что, казалось, кислотой разъедает горло.

Тяжелая дверь кабинета.

Лидкины туфли давили теперь немилосердно.

Зачем? Зачем она тронула и без того приоткрытую дверь?

Шаг. Еще шаг.

Кабинет. Стеллажи. Вычислительная машина. Телефоны. Разбросанные книги...

В рабочем кресле с высокой спинкой сидел человек.

– Андрей Игоревич... – тихо сказала Лидка.

Депутат Зарудный смотрел сквозь нее широко открытыми стеклянными глазами.

Вся его грудь была – лаковое кровавое месиво.

Глава 4

Очередь была длинная, как зима.

Прошел почти час, прежде чем медленным человеческим конвейером Лидку втянуло в магазин. Дверь хлопала, впуская порывы сырого ветра, керамический пол покрыт был слоем мокрой грязи толщиной в палец. Что же, еще минут пятьдесят...

Еще вчера очередь ругалась, скверно и зло. Сегодня люди молчали. Смотрели в пол.

За прилавком стояли двое – взрослая женщина и молодая; младшая была Светкой с четвертого этажа. Ни на секунду не останавливаясь, она специальной стальной струной резала сливочное масло. Резала и опускала на весы. Светло-желтые бруски громоздились, как слитки золота.

Старшая женщина принимала деньги и отсчитывала сдачу; она посмотрела сквозь Лидку, и Светка тоже посмотрела сквозь Лидку, не узнавая, но Лидка не обиделась, потому что Светка работает здесь вот уже месяц, ей платят, как ученице, она стоит за прилавком по двенадцать часов каждый день, у нее отекают ноги и слипаются глаза, и все равно ее собираются уволить на будущей неделе, чтобы освободить место кому-то по знакомству.

Лидка боком выбралась из ожидающей толпы. На следующую очередь у нее не хватало сил. Пусть Яна стоит, все равно безработная. Или Тимур – все равно его подготовительные курсы собираются закрыть...

У входа в магазин притулилась темно-красная машина с прилепленным к ветровому стеклу объявлением: «Продается». И еще одним, пониже: «Ищу работу. Юрист, экономист, знание иностранных языков».

Лидка вздохнула.

В подземном переходе пахло, как в ночлежке. Плечом к плечу стояли торговцы; Лидка шла, проталкиваясь мимо ношенных и ненашенных свитеров, шкатулок, носков и пряников, булок в полиэтиленовых кульках, старых книжек, шарфов, спортивных брюк. Шла, задержав дыхание, не глядя по сторонам, потому что смотреть – значит снова впадать в отчаяние. Осознание того, что и она, Лидка, рано или поздно может оказаться в этом переходе, и ее мама тоже...

При выходе из перехода на серо-желтой стене темнела надпись нитрокраской из баллончика: «Кровососы убили Зарудного!» И спустя десять метров – на стенке автобусной остановки: «Кровососы убили...» Дальше стенка была разбита. Опасно щерились стеклянные зубья.

– Принесла? – спросила мама.

Маме вторую неделю нездоровилось, и она не выходила из дома.

– Только масло, – сказала Лидка.

– Ну и хорошо, – сказала мама после паузы. – Очень хорошо... А сколько?

Лидка замялась:

– Триста.

– Триста?!

– Мам... все опять дороже почти в два раза.

– Тогда понятно, – сказала мама, не пытаясь скрыть усталости.

Еле слышно бормотал телевизор. «Если рухнет система социального страхования, – волновался невидимый Лидке оратор, – то после апокалипсиса нас ждет жизнь в пещерах, каменный век, вот что нас ждет. Гражданская война, смута, дележ того, что уцелеет, мы кончимся как цивилизация...»

Лидка вздохнула. Папа работал как раз в системе страхования, и еще совсем недавно все были уверены, что уж этой-то непоколебимой конторе общие несчастья не грозят.

Она прошла в свою комнату и села за пустой письменный стол. Совершенно пустой, только прямо по центру лежала под стеклом большая цветная фотография. Вырезанная из журнала так тщательно, чтобы не оставить ни намека на жирную черную рамку.

Как рано похолодало в этом году. Обещают отключить свет. Говорят, что для отопления не хватает денег, газа, нефти, еще чего-то, только недавно все было – и вдруг оказалось, что ничего нет... Куда оно, спрашивается, девалось?!

Зазвонил телефон. Лидка машинально выждала три гудка, потом вспомнила, что мама легла спать, и побрела в прихожую.

– Лида?

В последние месяцы голос у Славки стал очень похож на голос его отца. Раньше Лидка вздрагивала – теперь привыкла.

– У тебя есть время... поговорить?

– Полным-полно, – сказала она, унося телефон в свою комнату.

– Мы тут с мамой посоветовались, – сказал Славка после паузы. – Понимаешь... тут кое-что... ну, это не телефонный разговор. Ты могла бы прийти?

Лидка молчала.

* * *

Кабинка консьержа пустовала. И давно никто не приносил цветов. А помнится, тогда, в июне, цветами была завалена вся лестница.

– Привет, – сказал Славка. Он очень похудел, болезненная худоба сделала его похожим не на отца, а на мать. Только голос остался узнаваемым.

Лидка отдала ему красную гвоздику. Славка механически повертел ее в руках:

– Заходи... сразу в кабинет.

Она вошла.

Депутат Зарудный смотрел со стены. Лидке не нравился этот портрет, но распоряжалась здесь, конечно, не Лидка, а Славкина мама. Здесь больше не было ни вычислительной машины, ни телефонов, освободившийся стол занимал полкомнаты, и по всей широкой столешнице стопками стояли бумажные папки, подшивки, стопки исписанных листов.

Славка все так же механически поставил гвоздику в высокую металлическую вазу.

– Тут осталось, – Славка вздохнул. – Архив неразобранный. Эти... гэшники... часть бумаг забрали... часть потом вернули... личное. Все переворошили... весь архив... Понимаешь?

Лидка кивнула.

В официальных бумагах она проходила как «подружка сына, косвенный свидетель». Так получилось, что именно она первая видела Андрея Игоревича мертвым; ее допрашивали три раза, и всякий раз Лидка плакала. Не только потому, что горе тогда было свежим и ошеломляющим. Всякий раз ей казалось, что допрашивающие ее чины не верят ей, подозревают за каждым словом ложь.

Зачем пришла? Ведь встреча не была назначена? Почему не позвонила? Почему вошла без спроса в чужую квартиру? Почему...

А главное, всех их, жестколицых, с буравчиками-глазами людей, интересовало одно обстоятельство. Может быть, депутат Зарудный был еще жив? Он мог говорить? Так говорил или нет?!

Оказывается, Андрей Игоревич действительно был жив в тот момент, когда Лидка приоткрывала входную дверь. Но когда она вошла в кабинет с букетом колокольчиков, он был уже мертв, ведь в него выпустили несколько пуль подряд...

А как же тогда беспорядок в квартире? Выходит, незванные гости учинили свой обыск еще при жизни Зарудного?!

Нет, она не слышала выстрелов. Нет, она не видела ничего, а что видела, о том уже рассказала. Нет, не мог он говорить, его же буквально из-ре-ше-ти-ли...

Мама давала ей капли три раза в день. И водила к врачу.

А потом был последний допрос. Незнакомый Лидке гёошник, толстый и печальный, долго рассказывал ей о своих теплых отношениях с покойным Андреем Игоревичем. Какой был человек, эх... Гибнут самые лучшие. Так она ничего не слышала? Жаль, помогла бы следствию... Ничего? Жаль. Ладно, иди, девочка, учись хорошо, Андрей Игоревич был бы доволен...

И повестки прекратились...

Лидка привычно вздохнула.

– Я взялся разбирать эти бумаги. – Голос Славки дрогнул. – Но как-то... тяжело. И времени... я же учусь.

Он говорил, будто извиняясь. Лидка опустила в кресло для посетителей:

– Ты хочешь, чтобы я?..

– Ну да, – Славка обрадовался ее понятливости.

Убийц Андрея Игоревича отыскивали спустя неделю после убийства на дне бухты. Чего и следовало ожидать. Одно время Лидка взяла себе за правило внимательно просматривать программу официальных новостей; она почти не слушала слов, зато внимательно вглядывалась в лица. Каждый мог оказаться заказчиком. Каждый.

В последний месяц она смотрела новости все реже и реже.

– Тут... серьезная работа... архивариуса. Рассортировать по годам, по темам... Составить каталог...

Славка коротко взглянул на нее – и покраснел.

– Что? – спросила Лидка.

– Это трудная работа, – сказал Славка. – Трудоемкая...

– Ты же знаешь, что я в экстернате. Времени у меня...

– Да, – Славка все еще был красен и смотрел мимо. – Но мама... она хотела бы...

Лидке на мгновение стало его жаль.

– Она хотела бы немножко оплачивать эту работу, – выдавил Славка через силу. – Денег мало, но... Ты только не обижайся!

Лидка улыбнулась:

– Я не обижусь. У меня отец без зарплаты, мама без работы... Вся семья без денег. Я не обижусь, Слав.

* * *

– Тебя к телефону, – сказала мама. – Одноклассник.

– Алло? – спросила Лидка равнодушно.

– Это я, – сказал Рысюк. – Как делишки?

– Никак.

– Ты контрольные уже все перерешала?

– Какие контрольные, когда жрать нечего? – спросила она грубо. И, сказать по правде, преувеличила: макароны еще были. И картошки полмешка, ешь – не хочу.

– Ты помнишь, где я живу? – после паузы спросил Рысюк.

Она задумалась.

...Автобусы ходили редко, и Лидка, закинув сумку на спину, припустила рысцой. Давно не чищенный тротуар покрыт был подгнившим слоем осенних листьев. Стены домов пестрели

обрывками объявлений, листовок, плакатов; «Сдам квартиру», «Кровососы убили Зарудного», «Все на площадь! Все на митинг!», «Помогите найти...»...

Она нырнула в переход. Тишина, шорох десятков ног и ни одного голоса – страшно, но она привыкла. Миновала железнодорожные пути, все так же рысцой выбралась на привокзальную площадь. Ветер носил отвратительный запах – так пахнет в зале ожидания, так пахнет в той подземной кишке, где плечом к плечу стоят пожилые женщины и продают носки и хлеб, домашние тапки и трикотажные свитера. Перед входом в «опорный пункт правопорядка» лежал на тележке для багажа одутловатый мужчина в поношенной одежде. Труп. Лидка отшатнулась.

Тут же, на углу, торговали горячими сосисками, причем на борту тележки виднелись полустертые буквы: «Мо-ро-же-ное»; Лидка вспомнила, как, держась за руки брата и мамы, она шла по этой вот площади десять лет назад и над тележкой вились, кажется, надувные шарiki...

А может быть, этого и не было.

Ее задела чемоданом, да так, что она едва удержалась на ногах. Надо было спешить; до Рысюковского дома оставалось минут десять быстрой ходьбы.

– ...Кто там? Ты, Сотова?

Рысюк запер за ней дверь – Лидка отметила, что дверь новая, железная, с двумя сейфовыми замками.

– Идем...

Рысюк здорово изменился за те несколько месяцев, что они не виделись. Все мы изменились, меланхолично подумала Лидка. А то ли еще будет.

– Давай свою контрольную. Так, вариант упрощенный, для девчонок и экстернатников...

– Не всем теперь по карману платить за очное, – отозвалась Лидка, разглядывая комнату. Рысюк обернулся от стола. Глаза у него были прозрачные, как у задумчивой рыбины.

– Извини.

– За что? – удивилась Лидка. – Был грубияном, грубияном помрешь.

Рысюк не то закашлял, не то засмеялся:

– Помирать я не собираюсь. Сядь вон на тот стул. И займись пока делом – расчерти поля вот в этой тетрадке, по четыре клеточки, сможешь?

– Постараюсь, – сказала она, никак не реагируя на насмешку.

Рысюк вырвал лист из блокнота и уселся решать Лидкины номера. Лидка водила красным карандашом – ответственно, аккуратно, со знанием дела.

– Кто убил Зарудного, знаешь? – спросил Рысюк вполголоса.

Лидка ни на секунду не прервала работу:

– Знаю. Те два мужика, которых нашли в заливе.

Рысюк оторвал глаза от уравнения и цепко посмотрел ей в лицо:

– Как ты думаешь, эти... «очистители души» во главе с Бродовским... имели повод убить его, а?

Лидка водила карандашом. Летела красная грифельная пыль.

– Все-таки версия не хуже других... «Кровососы убили Зарудного» – немножко примитивно. Конечно, у олигархов был повод его убить... Не всегда стоит доверять очевидному. А очевидно то, что гибель Зарудного инициировала процессы, приведшие к новой катастрофе...

– Ты позвал меня, чтобы потрепать ученые словечки? – негромко спросила Лидка. – Меня, как приближенную к Зарудным особу?

Рысюк вздохнул. Отложил авторучку:

– Как там Славка?

Лидка пожала плечами:

– Скверно ему.

Славка жаловался, что за квартирой наблюдают. Настоящее это наблюдение или плоды травмированной психики, Лидка не имела понятия, тем более что Славкина мама подозревала всех и во всем – в последнее время она повадилась едва ли не обыскивать Лидку на выходе из квартиры: «Ты же помнишь, Лида, что ни один документ, даже самая мелкая бумажка не должна быть вынесена за порог... Ты же понимаешь, Лида...» И тогда она вскипала и еле сдерживалась, напоминая себе, что эта женщина пережила трагедию и слегка помутилась умом. И даже открывала свою сумку, демонстрируя: ни одной бумаги, принадлежавшей Андрею Игоревичу, она, Лидка, до сих пор не присвоила...

Но обсуждать все это с Рысюком не входило в ее планы.

– Лидка, – глухо сказал Рысюк. – Ты, наверное, думаешь, что я суюсь не в свое дело. Но я в отличие от тебя читал монографии Зарудного, его работы по истории...

– Ага, – отозвалась она равнодушно. – Он тебя вспоминал. Такой, говорит, в вашем лице талантливый мальчик, надежда кризисной истории...

Рысюк помолчал, и Лидка с удовольствием увидела, как Игорь краснеет.

– Да! – с вызовом сказал Рысюк, несильно ударя кулаком по ветхой столешнице. – Я собираюсь быть кризисологом, и я им буду! И я имею достаточно информации, чтобы утверждать... чтобы предполагать, что Зарудный очень близко подошел к... созданию теории апокалипсиса. К каким-то основополагающим вещам...

– Какой ты умный, – сказала Лидка. – Никто не догадался, только ты.

– Если бы никто не догадался, – сказал Рысюк шепотом, – то Зарудный был бы жив. Неужели ты всерьез думаешь, что его убил этот Бродовский, эта банда с чистой душой? Или эти невнятные «политические противники»? Лида... Лида, ты чего?!

Она уже редела. Давилась слезами.

И потому не сказала Рысюку про эти зарудновские слова.

«...Очень важное выступление по первому каналу. Мое выступление... Я думаю, что это будет поворот... в нашей общей судьбе. Я очень на это надеюсь».

* * *

– Все просто, – сказал Андрей Игоревич. – Тысячу лет человечество вертится, как белка в колесе. Цикла едва хватает на то, чтобы восстановить разрушенное. А когда потенциал для прорыва худо-бедно наращивается, все начинается сначала. Развал, распад, апокалипсис... Мы балансируем на грани, мы не растем, но и не скатываемся к первобытному состоянию. Кто поставил Ворота? Тот, кто хочет, чтобы мы оставались белкой в колесе, живой, потешной и безопасной белкой...

Он сидел на ограде пустого вольера. За его спиной плыли и плыли в небе облака.

– Лида, Лидочка, не плачь. Я прожил хорошую жизнь, я понял, что...

– Вставай. Вставай. Вставай-ай!!

Темнота. Чьи-то руки, трясущие за плечи, да так, что немудрено проглотить язык.

– Лида! Вставай! Началось! Да вставай же!

Какой страшный сон, подумала она и щипнула себя за руку. Боль была – тупая, но вполне ощутимая.

– Началось, Лида... Одевайся. Скорей.

Комната заплывала красным. Тяжелый свет пробивался сквозь неплотно закрытые шторы.

– Мама?!

– Подъем! – гаркнул из прихожей отец. – Никаких нюней, никаких соплей! Через минуту выходим...

Казалось, он даже рад. Казалось, он стал выше ростом – оттого, что он больше не жалкий безработный, продавший за долги все, что только можно, а мужчина, отец семейства, готовый бороться за жизнь маленького, вверенного ему прайда.

Шорох ног, как в подземном переходе. Так показалось Лидке со сна.

– Отойди от окна!

Она успела заметить. Небо, неравномерно подсвеченное красным. Ручейки людей, вытекающие из подъездов и дворов. Запруженная людьми улица.

Страх пришел только сейчас. Когда она увидела это море движущихся голов. Текучее человеческое море.

– Штаб ГО, – глухо сказал радиоприемник. – Слушать всем. Опасность со стороны моря. Линия обороны проходит по улицам Флотской, Попова, Январскому проспекту. Внимание... Направление эвакуации – северо-восток, линия пригородной железнодорожной ветки. Запрещено использовать транспортные средства! За использование автомашин в зоне эвакуации – расстрел на месте!

Мягко качнулся пол. Задребезжала в шкафу посуда, закачались люстры, с подоконника грянулась ваза. Яна взвизгнула.

– Тихо! – прикрикнула мама.

Тимур неразборчиво бубнил себе под нос.

Над самой крышей пролетел вертолет. От грохота на мгновение заложило уши.

Путаясь в ремнях, Лидка нацепила на спину рюкзачок. С застежкой на груди, так, чтобы в случае надобности можно было легко избавиться от ноши.

Тимур все бормотал и бормотал; Лидка взяла с вешалки шарф. Отец поймал ее руку:

– Не надо... Проверьте, чтобы ни у кого на шее ничего не было. Тимур, ты меня слышишь, или ты уже обо...ся?

Лидка вздрогнула. Отец в жизни не бранился, тем более при детях.

– Я в порядке, – сказал Тимур после паузы.

– Тогда ты с мамой. Я с девочками. Пошли.

Щелкнула, захлопываясь, дверь. И наступил пик Лидкиного страха – щелчок положил конец прежней жизни. Все всерьез. Всему конец. Щелк.

– Не бойся, – жалобным дрожащим голосом сказала Яна.

Лидка молчала, героически удерживаясь от слез.

Соседи уходили. Внизу торопливо хлопнула входная дверь, щелкнул замок на втором этаже, а на четвертом кто-то торопливо поворачивал ключ. Хотя стоило ли трудиться?..

Они спускались, и знакомая с детства лестница казалась большой фотолабораторией – из-за густого красного света. Впереди шли мама с Тимуром, сзади отец вел Лидку и Яну, вел за руки, как маленьких.

– Ничего, – повторял отец, сжимая потную Лидкину ладонь. – Ничего, ничего...

Двор. Скамейка. Не светится ни одно окно, ни один фонарь, но света и так довольно. Низкие тучи отражают зарево, поднимающееся за горизонтом. Над морем.

И запах. Какой запах. Гари и гнили одновременно. И ни ветерка.

– Быстро пройти Угловую, – сказал отец в спину Тимуру. – Как можно быстрее. Потому что она узкая.

– Внимание! – радиоприемник помещался теперь у папы за поясом. – Штаб ГО сообщает. Опасность с моря! Линия обороны переместилась к Торговой площади. Внимание, линия обороны проходит по улицам Малой Угловой, Липской, Торговой...

Молчаливые люди вокруг одновременно прибавили ходу. На секунду потеряв из виду Тимура с мамой, Лидка шагнула со двора на улицу.

Вот тут была настоящая толпа. Тимур и мама мелькнули впереди и пропали снова; отец прибавил ходу, пытаясь догнать их. Со всех сторон закричали:

- Осторожно!
- Куда прешь!
- Вот из-за таких и давка!
- В ногу иди, кретин!

Над головами снова прошел вертолет, Лидка не смотрела на него, потому что боялась оторвать глаза от замусоренного асфальта. Ветром взметнуло пыль, зато вонь заметно ослабела.

Лидке было страшно обидно за отца. Его обзывали по-всякому – за то, что он не хотел терять из виду маму и Тимура. Но он все-таки протолкнулся вперед и протащил сквозь толпу Лидку и Яну, и теперь Тимур и мама шли впереди, отлично видимые, и от этого спокойнее было на душе.

– Штаб ГО, – сказали откуда-то из репродуктора, но голос уже не казался голосом автомата. – Опасность с моря! Экстренная опасность для улиц Угловая, проспект Свободы, проспект Возрождения...

Отец рванул Лидку за руку. И крикнул Тимуру:

– Вправо!

И многие так сделали. Кинулись по сторонам, перепрыгивая через упавших, которые все-таки успевали подняться. Полетели стекла первых этажей – люди забивались в переулки, лезли в окна, цеплялись за низкие балконы. Люди знали что-то, чего не знала Лидка...

– Держись!

Хрустя битым стеклом под ногами, она ухитрилась ухватиться за чью-то протянутую руку и влезть на чужой балкон, увитый мертвым сухим виноградом.

Вот оно что...

Волна паники прокатилась узкой улицей Угловой. Те, что напирали сзади, теперь бежали сломя голову, это была уже не толпа – сплошной человеческий поток, Лидка смотрела, и ей казалось, что она чувствует, как расширяются ее зрачки.

– Рановато... – прохрипел кто-то рядом.

– За мной, – сказал отец.

Балконная дверь была не заперта. Лидка, Яна, отец, еще какие-то люди прошли через чужую квартиру, пустую и красную, хранящую запах сердечных капель, по-старушечьи прибранную, с кружевными салфетками на единственном столе, с фарфоровыми статуэтками на единственном шкафу. Лидка не выдержала и заплакала – не то от страха, не то от жалости к себе.

Дом был шестиэтажный. Люк на крышу уже был открыт, и туда один за другим пролезали люди – кто суетливо, кто внешне спокойно, но все очень торопились.

– Вперед...

Провода на крыше были оборваны и путались под ногами. Антенны стояли железным покосившимся лесом; Лидка шла и не могла отделаться от мысли, что все это когда-то уже было. Она пробиралась по крыше...

Мостик! С крыши на крышу была переброшена пожарная лестница, метров десять по железным шпалам, придерживаясь за единственный тонкий поручень; Лидка закусил губу.

– Не смотри вниз, – глухо сказал отец.

Внизу все еще были люди. Кто-то бежал, кто-то лежал. Лидка не смотрела.

Железо было невыносимо холодным. Лидка потерпела бы, но от холода немели пальцы, теряли чувствительность, а сзади подталкивали, подгоняли – скорее, скорее...

Мостик закончился, уперся в соседнюю крышу. Лидка неловко спрыгнула, и отец поймал ее на лету, поставил на черный рубероид. Рядом тяжело дышала Яна.

– Вперед!

Они почти побежали, и люди вокруг бежали тоже; потом идущий впереди мужчина резко остановился, и Лидка с разгону налетела на его спину.

– Смотрите! Там...

На соседней крыше завизжали. Женщина. Нет, скорее девчонка, такая же, как Лидка; и в ответ Лидка завизжала тоже, и завизжала Яна, и кто-то еще...

Удар по лицу привел ее в себя.

– Заткнись! Вперед...

Уже оборачиваясь туда, куда ее толкали, она успела заметить то, на что указывали трясущиеся пальцы паникеров. Заметить, по счастью, боковым зрением.

Глефа. Ростом, наверное, этажа в два. Вертикально передвигающаяся. Мокрая. Из вялого рта свисает полотнище с рекламного щита, будто гигантская салфетка, «Твой кофе», и улыбающийся блондин с дымящейся чашечкой...

– Вперед, дура!

Грохот. Прямо с неба опустился вертолет, Лидке показалось, что у нее с плеч сорвет голову. Сорвался и полетел вниз чей-то светлый пуховый берет, а вертолет накренился и врезал по чудовищу очередь, во всяком случае, Лидкин киношный опыт подсказывал, что это именно очередь. Та-та-та... Чудовище сразу стало вдвое меньше ростом.

– Защитнички, – плаксиво сказал кто-то за ее спиной. – Пришел ваш час, детки...

Лидка бежала, высоко поднимая колени, боясь споткнуться об упавший провод или складку рубероида. И на бегу вспоминала свое старое сочинение, в классе, кажется, третьем, что-то насчет дружбы девочки и дальфина.

Новый железный мостик. Людей на крыше становилось все больше, в какой-то момент отец крикнул: «Тимур!» И Лидка сразу увидела и брата, и маму. Мама плохо себя чувствовала. Дышала тяжело.

Грохот вертолетов. Новый вихрь. Выстрелы. Очереди. Туша вертолета, разворачивающаяся над соседней улицей; Лидка поняла, что завидует, черной завистью исходит к пилотам, которым не надо бояться и толкаться локтями, которые всемогущи, которые летают, красиво защищая мирных жителей...

В следующую секунду где-то позади, на подступах к морю, грохнул взрыв. Красное небо расцветилось еще и дымным костром над останками упавшего вертолета; Тимур что-то сказал, но Лидка не расслышала. Сейчас не будет слышен даже самый громкий крик...

Отец дернул ее за руку.

Опять люк. Лестница вниз. Ступеньки почему-то мокрые. Кучи мусора – пуговицы, бумажки, истоптанные перчатки. Запах мочи. Выход во двор. Газон, истоптанный до глины, поперек газона лежит, вытянувшись, человек в темном плаще.

Отец останавливается на секунду. Переворачивает лежащего на спине. Человеку лет шестьдесят, лицо желтое, глаза стеклянные. Мертв.

Бег продолжался без единого слова. Дворы, в просветах арок – все та же улица, теперь по ней шли машины, кажется, это отступали части ГО. Густо воняло выхлопными газами.

– Конец Угловой, – сказал папа с явным облегчением. Мама молчала, берегла дыхание.

Они выбрались из арки в толпе других запыхавшихся беженцев. Кто-то обгонял их, кто-то, наоборот, отставал. Человек в шлеме, закрывавшем все лицо, заругался и замахал коротким жезлом, указывая, куда бежать. Другой, в таком же шлеме, сидел в башне броневика, перегородившего Угловую, и за спиной его стоял черный непроницаемый дым. Улица горела.

– Ворота! – закричала мама, подбежав под самый броневик. – Мальчики, Ворота еще не открылись?!

Тот, что был с жезлом, заругался злее. Тот, что сидел на башне, отрицательно покачал шлемом.

Лидка почувствовала, как глубоко в живот проваливается сердце. Валится, не продолжая трепыхаться. Еще чуть-чуть – и она сможет испражняться собственным сердцем, огонь, запах гари, пляшущий факел... «И Ворота не откроются на этот раз»...

– Вперед! – сказал отец, Лидка не услышала, но прочитала слово по его губам. И зашипела от боли, потому что ее грубо дернули за руку.

Они выбежали на проспект Возрождения, до одури широкий по сравнению с Угловой; люди здесь шли относительно свободно. Лидка постаралась приспособиться к общему ритму и выровнять дыхание.

Ворота откроются. Просто еще рано. Пока рано. Второй час от начала *мрыги*... Или уже третий?!

Апокалипсис начался тогда, когда убийцы всадили шесть пуль в Андрея Игоревича Зарудного.

Нет, апокалипсис начался раньше...

Ноги коротковаты. Слишком низко голова. Что там говорил Андрей Игоревич насчет маленького роста?!

Она впервые вспомнила о Славке и его матери. Впервые и оттого с раскаянием. Центр... Из центра легче выбираться. Славка здоровый... прорвутся...

Зашипело молчавшее до того радио. Из папиного репродуктора, из черных радиортов на фасадах зданий, из громкоговорителей на неподвижных броневиках:

– Слушать всем. Опасность с холмов. Сейсмическая активность в районе поселков Красный Лес, Озерово, Мигов. Направление эвакуации изменено. Повторяю – направление эвакуации изменено... Северная ветка железной дороги, линия Сухово – Верхний Болт. Сохраняется опасность с моря. До непосредственной воздушной угрозы остается около десяти часов. Повторяю...

Лидка споткнулась. Целую секунду думала, что упадет, но отец успел подхватить ее под мышку:

– Под ноги смотри...

Затряслась земля. Закачались фонарные столбы. Полетело оконное стекло. Зарево стало ярче.

Я больше не могу, отстраненно подумала Лидка. Это же несправедливо... Мужчины и женщины в равных условиях... У кого-то ноги короче, у кого-то длиннее. Кто-то спортсмен... Кто-то старик...

Вспомнились вязаные салфеточки на столе в той квартире, в которую они вломились на пути отступления.

Естественный отбор, сказал Андрей Игоревич. Голос-то был его, но Лидка ни за что на свете не могла поверить, что Зарудный способен на такие жестокие слова.

«Те, кто ниже ростом, имеют больше шансов погибнуть в толчее...»

Ну, пока толчеи особенной нет. Вот только идти так быстро Лидка долго не сможет... Но ведь и в толпе-то не сплошь здоровые мужики. Устанут, пойдут медленнее...

«Я хочу, чтобы в момент катастрофы рядом с тобой, Лида, обязательно кто-то был. Кто-то достаточно сильный, чтобы поддержать тебя...»

Лидка покосилась на отца. С гордостью. Как когда-то, когда ей было восемь лет. Отец все делает правильно. Все обойдется...

Новый подземный толчок. Лидка своими глазами увидела, как качнулся девятиэтажный дом, будто карточное строение, будто гибкая складная удочка. Будто в мультфильме. Качнулся, на мгновение размазав себя по пространству, взмахнул верхними этажами, но не упал.

Где-то в толпе закричали, правда, крик почти сразу стих.

– Мы так и будем... пешком? – спросила Лидка, стараясь не прикусить язык.

Никто не ответил.

Темп действительно снижался. Они шли по проспекту вот уже час, он был очень длинный, проспект Возрождения, самая длинная улица в городе. Время от времени радио подкидывало новые подробности, но теперь все они касались других районов. Где-то прорвалась

«угроза из моря», где-то вертолет зацепился за провода и рухнул на идущих людей. Лидка шла, все сильнее наваливаясь на руку отца.

Проспект Возрождения заканчивался площадью, Лидка не помнила ее названия. Тут поток людей раздвоился, отец, не раздумывая, свернул вправо, и мама с Тимуром и Лидка с Яной последовали за ним.

Миновали кладбище. Не центральное, помпезное, где похоронен Андрей Игоревич. Обыкновенное пригородное кладбище. Старое, давно закрытое для захоронений.

Занималось утро. Красный свет потускнел, смешавшись с серым предрассветным сумраком.

– Ни единой птички, – сказал Тимур, и Лидка подумала, что он прав. Ни обычных ворон на голых газонах, ни воробьев, ни мусорных городских голубей.

– Лида, не спи на ходу...

– Я больше не могу, – сказала она виновато.

Состояние болезненного возбуждения схлынуло. Накатила усталость. Серое утро, колонна людей, бредущая из города в поле. Цементный завод вдалеке. Шарканье ног по грязной дороге. Шаг, шаг, еще шаг... Дурной сон.

– Вперед! – привычно прикрикнул отец. – Силы еще понадобятся... Еще...

Он не договорил. Затрещало радио.

– Внимание... Слушать всем. Угроза с моря, линия обороны по радиусу Прорывная – Левый спуск – Рощевая...

Лидка вздрогнула. Самый центр города. Далеко забрались глефы.

– Внимание на Северной трассе! Сейсмическая угроза не зафиксирована. Продолжайте следование. Внимание на Большой Лучевой трассе! Движение дальше пункта Дубки представляется нецелесообразным. Распределение нагрузки на Ворота...

– Ворот-то и нет, – сказали у Лидки за спиной. Она побоялась оглядываться, чтобы не упасть.

* * *

Они стояли посреди поля. Стояли и сидели. Лидка хлебала из жестяной кружки, а отец, когда она отворачивалась, доливал ей в термос свой чай. А Лидка, малодушная, делала вид, будто бы не видит...

Они стояли среди поля, а Ворот не было. Нигде. Становилось тепло, на землю летели куртки и шапки, и свитера; воздух над полем дрожал. Со стороны холмов накатывался горячий ветер.

Лидка сидела на собственной расстеленной куртке. Ей давно хотелось в туалет, но туалета не было, а людей вокруг толпилось, как на центральной площади в праздник.

Небо было нехорошего красно-фиолетового цвета. Будто кровоподтек.

До объявленной «непосредственной воздушной угрозы» оставалось часа два. По расчетам хриплого радио. А может быть, гораздо меньше – фиолетовое небо уже не однажды вспыхивало, перечеркнутое следом горячего падающего камня...

Где-то там извергались вулканы. Где-то поднималось цунами. Где-то горела нефть.

Здесь, на поле, было тихо и душно. Накатывалась жара. Тимур вслед за другими парнями разделся до пояса, и зря, потому что поверх его рельефных мускулов подергивалась бледная, пупырчатая гусиная кожа.

– Внимание, – устало сказал приемник. – Слушать всем. Данных об образовании Ворот не поступало. Внимание на Большой Лучевой трассе – возможна термическая опасность с северо-запада...

Толпа вокруг зашевелилась.

– Уходить...

– Ворота...

– Нет Ворот, ты же видишь...

Лидка слушала, прикрыв глаза.

Ворота появляются близ людских поселений. Вокруг города их должно быть больше.

Дальше – меньше.

Но пока нет нигде.

Нигде.

Пляшет факелом парень-стеклодув...

«Термическая угроза с северо-запада»...

Наваливается раскаленное облако.

Воды. Плюхнуться бы в чистую водичку и полежать в набегающей волне...

Бред. Бред от духоты и усталости. И от страха.

В фиолетовой полутьме она нашла мамину руку:

– Ма... Я такая дура была. Прости.

– Лидка, ты чего?!

Ей вспомнился мамин день рождения. Тот самый, на который она не купила цветов, зато влипла в скверную историю. В качестве подарка.

– Лидка... успокойся. Соберись... Немножко осталось...

Немножко.

Лучше бы им свалился на голову упавший вертолет. Лучше... чем...

Жара. Пекло.

Все, все погрязли во грехе, и кто знает, смилуется ли Он на этот раз и откроет ли спасительные Врата, чтобы дать человечеству еще один шанс...

С неба опустится огонь. Из моря выйдут чудовища. Все как обычно.

Только Ворот не будет.

Мама положила ей на лоб смоченную в уксусе тряпочку. Откуда здесь уксус? Мама знала... припасла... на всякий случай...

– Ты поспи пока, Лида. Вон Яна спит... Поспи. Мы тебя разбудим.

Разбудит огонь, валяющийся с неба. Разбудит навсегда.

* * *

Радио затрещало снова. Затрещало на грани яви и бреда:

– Всем. Всем. Зарегистрированы Ворота. Зарегистрированы ВОРОТА! Координаты для находящихся на Северной трассе... Координаты для находящихся на Обводной... На Большой Лучевой... На побережье...

Ее подхватили с земли. Еще секунда – и всех лежащих затопчут.

– Руку! Руку!! Это близко... Мы успеем. Все должны успеть. Все будет...

Лидка уже не понимала, к ней ли обращены слова, или сама она говорит их кому-то. А может быть, и то и другое.

– Девочки! Тимур! Ну же! Ну!!

Потемнело в глазах.

...Поле стояло почти вертикально. Поле было неровное, в колеях и рытвинах, на бегу так легко подвернуть ногу. Поле подернуто было редким горьким дымом, и казалось, что люди бегут по колено в вате.

А потом Лидка увидела Ворота.

Они не были похожи на свои изображения, на описания в рассказах очевидцев. Они не были ни красивыми, ни величественными. Они были безлики, как безлика больничная дверь, крашенная белой масляной краской. И они не были даже особенно большими.

На бегу Лидка поняла, на что это похоже. Так выглядит вход на станцию скоростного трамвая, только не в центре, а на окраине.

Со всех сторон к Воротам бежали люди. Миг – и Ворота исчезли, заслоненные потными прыгающими спинами.

Яна тонко завизжала. Нога ее все-таки подвернулась на кочке; она визжала, как подстреленный заяц. Лидка никогда не была на охоте, и сравнение было чужое, книжное, отстраненное.

Отец подхватил Яну на спину. Натужно крикнул Тимуру:

– Лидка!

Лидка увидела протянутую к ней руку брата. И потянулась ему навстречу, но в этот момент налетели сзади, толкнули ее далеко вперед, в спину ей ударил отчаянный крик мамы:

– Беги сама! Не оглядывайся! Беги!

Она побежала.

Спереди была чья-то спина. Сзади было чье-то дыхание. Справа и слева двигались чьи-то острые локти. Неба не было – головы, головы, головы, будто Лидка заблудилась в густом лесу. Выигрывает тот, кто выше ростом, у кого длинные ноги...

И тот, кто очень хочет жить.

Шипение над головами. Крик. Удар, дрогнула земля. Лидка ни о чем не думала.

Сполохи. Под ногами что-то мягкое, Лидка успела подпрыгнуть, не споткнуться.

Мама! Мамочка!

Она бежала, втиснутая в толпу, вбитая в толпу, будто колышек. Она не могла оценить красоты и величия происходящего.

Массы людей текли, как студень, со всех сторон и к одной цели; к той же цели спешил, взрывая землю гусеницами, одинокий броневик ГО. Неведомо, чего он хотел добиться, оказавшись у Ворот раньше толпы. И осталось неизвестным, потому что броневик не успел.

И те, бегущие в первых рядах, не успели тоже. Столкновение; первые несколько секунд у тяжелой боевой машины было все преимущество перед пешими беззащитными людьми, но волна, катящаяся по полю, уже не была толпой. Не была множеством людей, пусть даже обезумевших, пусть даже борющихся за жизнь.

Она была иным. И перед силой этого нового существа броневик был не мошкой даже – пылинкой. Его опрокинуло, перевернуло, и только тогда текущее по полю существо инстинктивно прыгнуло в разные стороны, обтекая препятствие, обволакивая его отжившей плотью, а потом и накрывая собой...

Лидка не видела. Ее больше не было. Была частичка колоссальной энергичной амёбы.

У самых Ворот разные части текущего существа столкнулись. Столкнулись, выбросив вверх волну тел, сплелись и хлынули в спасительный проем, все быстрее и быстрее, движение наладилось, хрустели ребра, но текущее существо не умело ощущать боль.

Быстрее... Быстрее...

Небо полыхало. Существо на равнине инстинктивно отсчитывало последние отведенные для спасения минуты.

После того как срок истечет, небо расступится, не желая больше удерживать клубы огня и удушливого газа.

Кто не успел, тот проиграл навсегда. Существо на равнине знало это – помнило памятью предков, и потому так быстро стягивались рассыпанные по полю ложноножки.

В Ворота!

...Лидку уже несло. Она почти не касалась ногами земли; не ощущая боли в плечах и ребрах, она пыталась дышать. Только дышать. Хоть один раз еще вдохнуть! Хоть раз!

Существо на равнине становилось все меньше и меньше. Втягивалось в Ворота, как втягивается в водосток пенная после стирки вода.

Лидка потеряла сознание, но не упала, стиснутая теми, кто бежал рядом.

А потом и для них все исчезло.

Спасительная тьма Ворот.

* * *

Наверное, у всех у них действительно был шанс успеть. Потому что прошло не меньше часа, прежде чем ударил с неба огонь – и затрещала, сторая, вязкая слякоть на опустевшей равнине.

Глава 5

Она шла, сунув руки глубоко в карманы куртки.

Было холодно. Опять сырая весна.

Вдоль скамейки, отремонтированной, достроенной новыми досками, стояли штук шесть детских колясок. Из них половина новых. Надо же, уже и коляски выпускают, быстро развернулись...

– Привет, Лида! – сказала Светка с четвертого этажа, румяная, непривычно располневшая. Ее мальчику вчера исполнился месяц.

– Привет! – Лидка помахала рукой. В рукав тут же нырнул холодный ветер; Лидка поежилась, снова сунула руку в карман, да так энергично, что маленькая дырочка на расползавшемся внутреннем шве сделалась больше.

Дыра в кармане, надо же.

Соседки болтали, не обращая внимания на Лидку. К шестерым молодым мамашам под села одна мамаша потенциальная; двойня у нее, что ли, будет, но широкое пальто едва сходится на чудовищном животе...

На улице Лидку догнало солнце. Выскочило, как бандит из засады, сунулось в каждый угол, в каждую щель, осветило бледные лица прохожих – в основном женщин на разной стадии беременности. Прыгнуло в коляски – и новое поколение зажмурилось, сморщило красные личики, самые старшие потянулись, высвобождая из-под одеял короткие руки в крохотных варежках...

Лидка подняла голову и глубоко вздохнула.

До чего осточертел запах пеленок. Вся кухня завешана сохнувшей тканью. У Тимура девочка, жену Тимура зовут Саня, и Лидка более чем уверена, что брат познакомился с ней за неделю до свадьбы. Теперь Тимур бранится с женой и, забываясь, иногда называет ее «Яна»...

Лидка закусил губу. Побрела дальше, глядя под ноги.

Янка, Янка. Янка, ворчливая, вечно отбиравшая Лидкины игрушки. Осталась там, в том цикле. На той равнине. Перед теми Воротами. Не уберегли. Всех не уберечь...

Мысли о Яне почти не приносили боли. Текли привычно. Тимур назвал Яной свою дочь, а у мамы, похоже, будет мальчик. Интересно, как она его назовет?

Отец в последнее время ну прямо-таки расцвел. Хоть приходит с работы полумертвый, но при едином взгляде на мамин живот ну прямо весна с человеком, весна и грачи прилетели... С Лидкиной точки зрения, ничего красивого нет в этих животах. Уродство. Ну ничего, вот родит мама, и Тимур будет нянчить одновременно дочку и братика.

Она миновала угол дома, и ветер подул с новой силой. Лидка подняла плечи, повернулась к ветру спиной, защищаясь от особо стервозного порыва. Мама не раз намекала, что с маленьким братиком ей понадобится Лидкина помощь. А Лидка намекала в ответ, что на нее в этом деле лучше не рассчитывать.

Она прошла мимо строительства. И еще одного. И еще одного дома, отстроенного еще осенью. Новенькие рамы, новенькая крыша, только нижние этажи старые, кирпич потемнел от времени и кое-где закопчен.

К лету обещают окончательно отстроить скоростной трамвай. А пока приходится добираться как попало, хоть на попутках...

Лидка вышла на перекресток и подняла руку. Машина остановилась тотчас же.

– В центр? Садись.

За рулем был парень, чем-то похожий на Тимура. Впрочем, это в том цикле принято было говорить – «парень». В этом цикле говорят – «мужчина».

– По магазинам? – Парень вел машину небрежно, и настроение у него было отличное. Самое время поговорить.

Лидка покачала головой:

– В гости. К жениху.

Вот так. Универсальная фраза. А иначе – Лидка отлично знала! – сразу же становятся возможны варианты. «У тебя уже муж есть? Ты такая симпатичная женщина...»

Потому что и Лидка в этом цикле автоматически потеряла право именоваться девочкой или девушкой. Она женщина, а что ей едва стукнуло семнадцать – мало кого волнует.

Плохо быть поздним ребенком.

Как там говорила мама? «Подумай, Лида. Детородный период такой короткий, оглянуться не успеешь, а он уже прошел, и тогда уже не забеременеть, ты же учила физиологию... И останешься бездетной. Может быть, не стоит ждать? Посмотри, все твои одноклассницы...»

Лидка поморщилась, как от боли. Даже веселый водитель спросил озабоченно:

– С тобой все в порядке?

Привычная заботливость. Любой женщине может стать плохо на улице или в магазине, и сразу же орды доброхотов: «С вами все в порядке? Позвать врача?»

– Вот здесь, – открывая дверцу, Лидка сунула парню в руку смятую бумажку. Вышла под знаком «Остановка запрещена», благо милиции поблизости не оказалось.

«Папа, а ты всегда переходишь дорогу на зеленый свет?» Давно, тысячи лет назад Славка ерничал, провоцируя Андрея Игоревича, тогда еще живого, спокойного, надежного...

Дом Зарудных сохранился полностью. Его пощадили подземные толчки, на него не упал горящий вертолет, его не опалило небесным огнем и не накрыло метеоритным обвалом. Даже, говорят, некоторые стекла остались целы...

Лидка вошла в знакомый подъезд.

Будку консьержа давно убрали. На освободившемся пространстве стояли все те же коляски – плетеные, клеенчатые, красные, синие и цветные. Пока что в элитарном доме – сумятица и теснота; лет через пять с домом начнут разбираться. Кого оставить, кого – в новостройку...

Лидка позвонила у входа. Три раза, как и было условлено. Дверь открыл Славка; в нос ударил все тот же запах сохнувших пеленок.

В бывшей зарудновской квартире обитали сейчас четыре семьи с тремя младенцами. Славка с Клавдией Васильевной жили в кабинете Андрея Игоревича; Зарудная нигде не работала, Славка нигде не учился. Андрей Игоревич оставил им некоторую сумму на страховом счету – пока что на жизнь хватало. Если это можно назвать жизнью.

Славка зарос неопрятной щетиной. Одет был в неопрятный спортивный костюм и столь же неопрятные тапки. Глаза воспаленно блестели. Нехороший блеск, подумала Лидка.

– Когда ты в последний раз выходил на улицу?

Славка махнул рукой:

– Проходи...

Просторный коридор, голые стены. Зато в кабинете – не развернуться, сюда стащили и собрали мебель и вещи, которые не удалось продать. Один архив, уложенный в картонные ящики, образовывал башню почти до потолка.

Лидка огляделась. Клавдии Васильевны не было в комнате. Славка опередил ее вопрос:

– Мама на кухне. Лид, она переезжать хочет.

– Куда? – механически спросила Лидка.

– В пригород. В двухкомнатную... Потому что нас все равно здесь не оставят. Дом-то ведомственный...

В голосе Славки была самая настоящая боль. Он здесь вырос. Это его дом. Каждая половина помнит погибшего отца. Переезд – новая потеря...

– Слава, – сказала Лидка самой себе непривычным, очень взрослым голосом. – Новый цикл – новая жизнь. Ты детей-то заводить думаешь? Или копать будешь три года, как Бедная Анна?

– Как кто? – тупо спросил Славка.

– Классику читать надо, – сказала Лидка, довольная хотя бы тем, что удалось отвлечь его. – И побрейся. Смотреть противно.

Славка отвернулся:

– Будешь смеяться... Вчера этот Ретельников приходил, то же самое сказал слово в слово. Смотреть, говорит, противно. Я и говорю – не смотрите, я вас в гости не звал...

– Какой Ретельников? – спросила теперь уже Лидка.

– Толстый, – Славка вздохнул. – Гэошник, который с отцом вроде как дружил.

Лидка нахмурила брови, пытаясь припомнить толстого гэошника. Что-то смутное – толстый и печальный. Иди, девочка, учись хорошо.

Она усмехнулась. Тогда еще считалось, что она должна учиться. В новом цикле толстяк сказал бы – иди, девочка, рожай поскорей...

– Чего ему надо-то было?

Славка пожал плечами:

– Так... По старой памяти.

Приоткрылась дверь. В щель боком протиснулась Клавдия Васильевна с горячим котелком в руках:

– А, Лидочка...

Лидка открыла рот, чтобы сказать «здрасьте». Но поздороваться не успела.

Клавдия Васильевна вытянула руки, стараясь держать котелок подальше от себя. Шагнула, не глядя под ноги, и запнулась, кажется, о выступающий уголок настольного хоккея. Вскрикнула, отпрыгнула от валящегося из рук котелка и налетела спиной на башню из картонных ящиков.

– Держи!!

Башня накренилась медленно, как в дурном сне. Рухнула, разбив стекло на журнальном столике; пустой котелок все еще плясал, позвякивая, в луже борща, а по комнате уже свободно летали разнокалиберные бумаги – какой-то из картонных ящиков, вероятно, верхний, лопнул от удара и с силой выбросил из себя содержимое.

В коридоре зашлепали тапки. Загалдели голоса:

– Что случилось?

– Клавдия Васильевна, что у вас?

Дверь приоткрылась, обнаруживая молодые, незнакомые Лидке лица. Этим дамочкам повезло – хоть их дома и пострадали, но страховой полис оказался достаточно внушительным, чтобы погорельцы могли претендовать на новое, весьма приличное жилье.

Где-то в глубине квартиры, там, куда Лидка так и не попала ни разу, заплакали в два голоса младенцы.

Клавдия Васильевна была так расстроена, что молча, не глядя на соседок, вышла из комнаты. Славка некоторое время постоял, потом наклонился и стал собирать бумаги; Лидка последовала его примеру.

Сколько же труда потребуется, чтобы водрузить коробки обратно! У Славки одного не хватит силы. Придется просить у дворника стремянку... Просить постылых соседей, чтобы помогли...

– Слав, принеси тряпку. Надо лужу затереть.

Славка вышел, не споря. Лидка собирала разлетевшиеся листочки.

Лопнула, как назло, коробка с личной перепиской. Когда Лидка работала с архивом, эти письма читать ей запрещалось – только выписывать в тетрадку номер и дату. И она не нарушала запрета. Почти.

«Дорогая Клавушка, ромашка моя ненаглядная, когда я снова вас увижу?! Славка, наверное, не узнает меня; ты пишешь, он уже пытается ходить...»

Превозмогая соблазн, Лидка сунула письмо глубже в конверт. Подняла глаза, встретила взглядом с портретом Андрея Игоревича. Нехорошо читать чужие письма. Особенно если от них наваливается тоска. А ведь новый цикл – новая жизнь...

Эти, гэошники, в свое время просматривали и личные письма тоже. Лидка видела – равнодушный такой тип в перчатках сидел вот здесь, в кабинете, под портретом, и перекладывал конверт за конвертом. Нет, читать не читал – времени, видно, не было...

– Бумаги упали, – сказал кому-то Славка за приоткрытой дверью. – Что? Нет, это ты будешь выкидывать свои шмотки, а я папины документы все-таки оставлю, можно? Разрешаешь?

И сразу, без перехода:

– Лид, я тряпку принес...

Лидка сидела под столом, пытаясь вытащить из щели старый, расклеившийся конверт. Как он туда ухитрился влететь – пес его знает.

– Тряпку? Сейчас...

В руке у нее оказался листок бумаги, желтый и исписанный ученическими каракулями: «Дорогой папачка! Я делаю все твои упражнения, уже научилси нырять...»

Из-под одного листка вылетел другой. Гораздо более жесткий, белый, покрытый плотным печатным текстом. Принтер.

Под столом было темно. Лидка машинально поднесла листок к глазам.

– Вот елки-палки, – бормотал Славка, пытаясь затереть аппетитно пахнущую лужу. – Весь ковер в борще...

«Сограждане!»

Лидка вздрогнула. Ей показалось, что она слышит этот голос. Спокойный, уверенный, такой узнаваемый.

«Сограждане, парламентская комиссия по делам апокалипсиса уполномочила меня...»

– Что ты там делаешь? – грубовато спросил Славка. – Заснула там, под столом?

– Конверт потерялся, – соврала Лидка неожиданно для себя. И это вместо того, чтобы выпрямиться и спросить у полноправного наследника: «Посмотри, что это?»

– Брось... Иди сюда, помоги.

– Иду...

«...задевает интересы всей правящей верхушки, всех наших всенародно избранных, предавших свой народ руководителей... В Декларации прав человека записано: каждый человек имеет право знать о появлении Ворот в ту же секунду, как эти сведения становятся доступными верховному штабу ГО. Довожу до вашего сведения, что правительством нашей страны вот уже много циклов практикуется...»

Снова открылась дверь. Под столом отчетливо потянуло сквозняком.

– Слава... – глухо сказала Клавдия Васильевна. – Брось эту тряпку. Помоги мне найти нитроглицерин...

Лидка притихла под столом, как будто ее и не было.

«... практикуется так называемое „условленное время“; это время, проходящее между первым сигналом о появлении Ворот и сигналом, оповещающим население. Это время колеблется от получаса до полутора часов, за это время специальный контингент доставляется к свободным Воротам и спокойно, с комфортом эвакуируется... Список спецконтингента дер-

жится в глубоком секрете, но каждый из вас спокойно может воссоздать его, просто перечислив имена крупнейших чиновников, начиная с Президента и заканчивая...»

Она сложила бумажку, но не стала прятать в один конверт с письмом «дорогому папачке». Скорее всего, этой бумажке там не место. Скорее всего... но тогда как она там оказалась?!

Когда она выпрямилась, щеки ее были цвета молодой свеклы. По счастью, такой цвет лица можно было объяснить неудобной позой – скорчившись, под столом...

«Ты же помнишь, Лида, что ни один документ, даже самая мелкая бумажка не должна быть вынесена за порог... Ты же понимаешь, Лида...»

– Вот, тут письмо одно затерялось... Слава, возьми.

И она протянула Славке желтый конверт с ученическими каракулями.

А под свитером, за поясом джинсов, предательски хрустнула жесткая белая бумага. Как показалось Лидке, на весь дом. Странно, что ни хмурый Славка, ни бледная Клавдия Васильевна ничего не услышали.

* * *

Клептоманка...

Зачем она это сделала?

Низачем. Интуитивно.

Утверждая и свое право на наследство Андрея Игоревича. Свое призрачное, никогда не существовавшее право.

А что особенного? Ничего особенного. Она прочитает и вернет. Незаметно сунет в ящик, к примеру, стола.

«Многолетние исследования только подтверждают то, что лежит на поверхности. Ворота появляются, чтобы пропустить в себя *всех* живущих людей. Пространства Ворот достаточно для *полной* эвакуации без потерь. От нас, сограждане, зависит, как нам уходить – либо оттесняя и топча друг друга, либо с достоинством, поддерживая слабого, не поддаваясь панике... Так называемое «условленное время» – позор нации, предательство со стороны правящей партии. Пришло время назвать предателей предателями, сломать порочную «условленную» систему, признать первой и достижимой целью апокалипсис без потерь! *Каждый* человек должен узнавать об открытии Ворот сразу же после их обнаружения. *Каждый* человек должен помнить, что Ворота – экзамен для цивилизации, Ворота открыты для всех, Ворота – для всех, мы – едины...»

Лидка брела, глубоко засунув руки в карманы куртки, а в ушах ее снова и снова звучал подчеркнуто спокойный, глубокий голос. Спокойный, но не равнодушный.

«Ворота открыты для всех!»

Безмозглая амeba на широкой равнине. Перевернутый броневик. «Условленное время». Жалко Яну.

Они стояли и сидели посреди пустого поля, пили чай из термосов, сверху наваливалась жара... А в это время Ворота уже стояли открытыми, и время текло, шелкало, бежала стрелка на чем-то бесстрастном хронометре. И бедная обессиленная Янка еще не знала, что жить ей осталось два часа.

Лидка сжала кулаки. В кармане куртки хрустнула потревоженная бумажка.

Андрей Игоревич гулял с ней по опустевшему зоопарку, а за пазухой у него была бомба. Любовно приготовленная, с уже дымящимся запалом; телевыступление, текст которого был уже написан. Разоблачение. Ох, какой был бы взрыв!

Вот только взорвать не удалось. Оперешили. Убили пиротехника и отстригли запал, и бомбу изъяли... Впрочем, бомбой она была именно в руках Зарудного. В чьих угодно других

руках – петарда, шутиха, не больше. Смутные слухи про «спецворота» ходили и раньше, всегда ходили, только никто не брался определить в них процентное содержание правды...

– Добрый день... девушка. Мне кажется, я вас где-то видел.

Лидка обернулась. Парень улыбнулся, ничуть не смущаясь ее хмурым видом:

– У вас есть время? Я приезжий, хотел бы убить где-нибудь часа два... Здесь где-нибудь есть кафе?

Лидка смирила его с головы до ног. Шуплый, невысокий, куртка с чужого плеча и джинсы с чужой, так сказать, задницы. Стандартный «страховой комплект», наверное, еще лет пять по улицам будут ходить люди в поношенных «страшилках». Лидке еще повезло – их дом устоял, и даже шмотки в железном ящике почти не пострадали...

– Может быть, ресторан? – предложил парень, не без основания полагая, что оборванцу в «страшилке» следует быть нахрапистым.

Лидка огляделась. Они стояли почти в самом центре города, кругом полно было и кафе, и ресторанов, и ярких вывесок, вот только место, куда она собиралась послать незнакомца, вывески не имеет – стесняется...

Она уже открыла рот, но в последний момент удержалась.

– Пошли в музей.

– А? – Парень заулыбался активнее.

– В музей естественной истории, – отчеканила Лидка, как на экзамене. – Вот вход, видишь? Две каменюки по бокам.

Парень послушно посмотрел вслед за ее рукой. Неуверенно кивнул:

– А может, все-таки кафе?

Лидка повернулась и пошла по направлению к музею. Парень тут же ее догнал.

– Тебя как зовут? – спросила она на ходу.

– Андрей...

Она резко сбавила шаг. Посмотрела на него недоверчиво:

– Точно? Не брешь?

– С чего бы? – справедливо возмутился парень.

– А меня зовут Яной, – сказала Лидка, глядя прямо перед собой.

– Яна? – обрадовался Андрей. – Какое красивое имя...

– Да уж...

Она милостиво позволила новому знакомому купить два билета, тем более что цена их оказалась смешной даже по нынешним временам. Посетителей было мало; музей не реставрировали со времен апокалипсиса, окна подернуты были, словно веками, закопченными железными шторками. Пройдет еще лет пять, и сюда потянутся вереницы первых маленьких почемучек; детсадовцы старшей группы будут разевать рты, глядя на отреставрированные картинки и отремонтированные муляжи, все это будет, но не сейчас, сейчас старшая группа надсадно орет и мочит пеленки...

– Ты где учишься, Андрей?

– Я работаю. – Он улыбнулся. – Буду работать. На судостроительном. Из Носовки, по лимиту...

Лидка подумала, что он симпатичный. Что он не такой наглый, как показалось вначале. Что он не врет и не рисует, а искренне верит, что впереди большая счастливая жизнь, он устроился в городе, теперь осталось быстро жениться и клепать попеременно то железо, то детей.

– А я историк. – Она сунула руки еще глубже в карманы, хотя это, казалось, было уже невозможно. – Хочешь, экскурсию проведу?

Андрей нерешительно улыбнулся. В его планы экскурсия не входила; сегодня ему повезло, ему прямо на улице попалась ничья женщина, следовало, не теряя времени, выклады-

вать козыри. Ношенная «страшилка» – не козырь, судоремонтный – не козырь, а козырь, вероятно, сам Андрей, добрый и покладистый, веселый и неприхотливый, и, что самое главное, в постели совершенно непревзойденный, барс, лев, машина любви.

– Это недолго, – сказала Лидка, улыбаясь в ответ. – Ты ведь первый раз в городе, да? И не был в нашем замечательном музее?

Андрей сглотнул, смешно, как тощая ворона. Во всяком случае, Лидке казалось, что вороны глотают именно так.

– Посмотри сюда. Нет, не туда, там начало осмотра, ничего интересного. Красивые камушки? Мне тоже нравится. Тут на картинке – первобытная рыба, это ты в школе проходил... Ничего, что я на «ты» к тебе? Вот они вылезли на сушу. Нет, пока еще не дельфины – жизнь выбралась на сушу, отряхнулась и пошла себе дальше... Там скелет какой-то твари, вроде динозавр плотоядный. На задних лапах бегал и жрал все, что движется. Вот в этой витрине – муляж первобытного человека. Жили они трудно, но апокалипсисов тогда не было. Только пугали друг друга – вот, мол, скоро конец света, у-у-у!

Андрей чуть отстранился и глядел на нее с испугом – не иначе, раздумывал, а не стоит ли отменить мероприятие и не дать ли деру, списав стоимость входных билетов на побочные, не оправдавшие себя расходы.

– Не бойся, – Лидка засмеялась. – Про эволюцию и последующий ход истории я тебе травить не буду. Пойдем сразу на третий этаж...

И, ухватив парня за руку, потащила едва ли не волоком.

– Вот. – Лидкино дыхание сбилось, на щеках проступил румянец. – Вот место, где сбылись опасения человечества. И надежды сбылись тоже. Расцвет науки и техники, первые космические полеты, первые ядерные испытания... И первый апокалипсис, так его растак, и первые Ворота. Видишь?

Андрей послушно кивнул. Ворота были выполнены в пропорции один к трем, через них любознательный посетитель попадал в следующий зал.

– Очень похоже... – Лидка подошла к стилизованной стенке, постучала, презрев обязательную табличку «Руками на трогать», провела ладонью по приятной серебристой поверхности. – Очень похоже... Наверное, и ночью фосфоресцируют, как настоящие. Светятся то есть. Да?

Андрей развел руками:

– Слушай, Ян, я тут в общежитии, в общем, недалеко живу, в комнате один пока, сосед уехал на выходные, хочешь, зайдем ко мне, коньячку попьем?

– Откуда у тебя коньяк? – механически спросила Лидка.

Андрей хитро улыбнулся:

– Из «страховочки». Мне положено, я сирота...

– Тебе за погибших родителей коньяком заплатили? – спросила она резко. Слишком резко. Андрей отшатнулся, побледнел:

– Ты... что? У меня... еще в том цикле... детдомовский я, понятно?

Он хотел уходить, но Лидка поймала его за рукав:

– Прости... прости. Ты тут ни при чем. Прости меня. С этих сволочей станется... Они первые узнали о Воротах... и никому ничего не сказали. Сами влезли, вразвалочку, с поварами и денщиками, с женами и внуками, так между собой условились, потому и «условленное время»... А потом уже, потом – сказали нам. И мы побежали... И я не успела. Меня затоптали насмерть. Меня нет.

Андрей хотел что-то сказать, но поперхнулся и закашлялся. Кашлял мучительно, отступая, в кратких промежутках между приступами поднимая на Лидку глаза и глядя на нее, как детсадовец на чучело динозавра.

– Не веришь? – Лидка усмехнулась. – Спроси кого хочешь. Яна Сотова погибла во время апокалипсиса... вернее, во время эвакуации. Потому что вот.

Она вытащила из кармана твердую и белую, сложенную в восемь раз бумагу. Но Андрей не стал дожидаться, пока Лидка разгладит на колене произнесенную речь его тезки.

Он повернулся и быстро пошел к выходу.

Из дальнего угла таращилась полненькая пожилая смотрительница.

* * *

Славка молчал и смотрел, как побитая собачонка.

На кухне возились мама и Саня, жена Тимура. За стеной плакала Яна, новорожденная Лидкина племянница. Она всегда плачет. Днем и ночью. Как они только выдерживают?!

Славка впервые пришел к Лидке в гости. Впрочем, «в гости» – сильно сказано. Где же стол, чай, торт, интеллектуальная беседа? Где вежливое любопытство родственников?

Любопытства не было, была оценка. Этот? Ах, тот самый Слава Зарудный? Ничего, подойдет...

По счастью, Лидка еще сохранила за собой право на отдельную комнату. Ее счастье; Славке повезло меньше, именно потому Лидка рискнула привести его сюда – мимо скамейки с молодыми любопытными мамашами, от которых ничто-ничто не может укрыться. Ладно, пусть болтают.

Проведя Славку в свою комнату и заперев дверь, Лидка без объяснений развернула перед ним распечатку с текстом несказанной речи. И пока Славка читал, шевеля губами, – сидела на подоконнике и ждала, болтая ногой, глядя в небо.

И вот теперь Славка молчал – и смотрел, как побитая собачонка.

– Понял? – спросила Лидка сухо.

– Надо сказать... – пробормотал Славка неуверенно.

– Кому? – Лидка усмехнулась. – Кому надо, тот знает. Суета, обыски-шмообыски... Все выпрашивали: а мог ли говорить? А что сказал? А не назвал ли своих убийц?

Славка втянул голову в плечи. Лидке стало стыдно.

– Я и раньше догадывался... – сказал Славка бесцветно. – Мама говорила... что мы попадаем в «контингент». Только после всего *этого*... с отцом... эвакуироваться все равно пришлось... на общих основаниях.

Лидка оскалилась:

– А представляешь, что было бы, если бы он успел *сказать*? Накануне апокалипсиса? Что было бы?

Славка вымученно улыбнулся:

– Отменили бы «условленное время». Заставили бы. Заварушка...

– «Контингент» его и заказал, – сказала Лидка медленно. Как приговор произнесла.

Славка закусил губу:

– «Контингент» большой. Ты знаешь кто?..

– Узнаю, – сказала Лидка глухо.

В прихожей задребезжал звонок. Прощлепали тапочки по тесному коридору; через несколько секунд в дверь комнаты постучалась мама:

– Лид, тебя Света спрашивает...

Лидка на мгновение прикрыла глаза. Даже раздражения не было; Светка с четвертого этажа сияла, лицо у нее было красно-розовое, как тельце свиньи-копилки.

– Лид, тут такое дело... Коляски по разнарядке, новые, «троечки», зимняя, летняя, с люлькой. Я о тебе вспомнила, понадобится ведь, а неизвестно, найдешь ли потом такое чудо. И недорого совсем. Возьмешь, Лид?

Лидка смогла даже выдавить улыбку:

– Спасибо, Свет. Пока не надо. Суеверия.

– А-а-а. – На Светкином лице возникла тень понимания. – Ну понятно, только сейчас не до жиру ведь, обычно все хватают, пока есть, а то потом все ведь нарожают – днем с огнем не найдешь приличной коляски... Ладно, Лид, ты заходи, если что...

– Ага, – сказала Лидка. – Спасибо.

Славка ждал ее. Вертел пальцем бобину старого, давно не работающего магнитофона. Отец давно порывался выбросить «этот хлам», но Лидка не давала из непонятого упрямства. Будто мертвый магнитофон связывал ее с прежней жизнью, которая была, конечно, не сахар, но вот вспоминается как рай; тогда отец ворчал, что, мол, припечет, будешь искать, куда кроватку поставить, вот тогда и выбросишь, никуда не денешься...

Лидка села на пол. Прислонилась спиной к старому дивану:

– Я, Слав, *узнаю*, кто его заказал. Жизнь на это положу, но узнаю.

Славка поднял глаза:

– А откуда у тебя эта бумага?

– Нашла. – Лидке полагалось бы смутиться, но вот беда, она не чувствовала за собой вины. Ни капельки; наоборот – теперь она ощущала смутное раздражение от того, что Славка, родной сын убитого депутата Зарудного, не спешит резать руку и кровью подписывать обещание о скорой мести. Не клянется, сузив глаза: и я жизнь положу, но помогу тебе узнать имя убийцы...

Славка поймал ее взгляд. Потупился, вздохнул, оставил магнитофон и сел рядом, так что Лидка ощутила тепло его плеча.

– Лид... Мне отец рассказывал... Еще до всего. Что-то вроде притчи, но мне кажется, что он сам ее и придумал. О том, для чего даны человечеству Ворота.

Лидка молчала.

– Он говорил... что апокалипсис – не испытание. Что это намордник, надетый на человечество. А Ворота...

В дверь забарабанили с новой силой:

– Лида! Лида! Открой!

Славка вздрогнул.

– В чем дело? – спросила Лидка неприятным голосом.

– Лида... – Жена Тимура Саня прежде никогда не посягала на Лидкину территориальную независимость. – У твоей мамы уже воды отходят, а схваток нет! Тимур на работе, отец на работе... Надо машину ловить, слышишь, и везти ее поскорее, потому что это очень опасно, надо скорее...

Лидка трясущимися руками скинула с двери крючок.

Мама надевала туфли. Очень бледная. Сосредоточенная.

* * *

«Апокалипсис – намордник, поводок, надетый на человечество. Кольцо, не дающее нам расти дальше, сковывающее то, что мы привыкли называть прогрессом. Оставшись в живых, мы радостно принимаемся воспроизводить себя во всех отношениях... Восстанавливать разрушенное. Восстанавливать численность популяции. Все наши силы направлены на то, чтобы обновиться и выжить в новом катаклизме. Мы не можем позволить себе ни одного мало-мальски пристойного космического полета, хотя технические наработки существуют уже много циклов. Мы почти не пользуемся ядерной энергией, хотя эксплуатация атомных электростанций здорово облегчила бы нам жизнь. Но натягивается поводок апокалипсиса – и попытки создать ядерное оружие приводят к гибели целых стран, целых регионов... Даже обычные бое-

припасы – будучи помещенными в спекукрытия! – во время апокалипсиса самоуничтожаются в пятидесяти случаях из ста. Апокалипсис – жесткое условие, ограничение, и нам не узнать, кем оно установлено. Может быть, никогда не узнать... Но что такое Ворота?

Ворота – это шанс. Это как прощение, как бы поощрение, как бы дорога в жизнь. И любой школьник скажет – Ворота непознаваемы, во всяком случае, на нынешнем уровне нашего развития...

Но наш уровень обречен оставаться таким до скончания веков!

Мы вертимся, как белки в колесе, от цикла к циклу, и кажется, нет выхода. Но, может быть, если апокалипсис – это колесо для белки, то Ворота – нечто большее, чем просто спасательный круг?

Если Апокалипсис – не испытание, то, может быть, Ворота – это и есть тест? Лабиринт для крысы?

Нас много, но и Ворот много. Я готов с цифрами в руках доказать: Ворота возникают с расчетом на то, что живущие люди пройдут в них ВСЕ. Если не будут терять ни секунды. Если никто ни на мгновение не задержится, чтобы отпихнуть с дороги соседа...

Но возможно ли это?

Страх смерти, материализовавшийся в нависших над головами огненных облаках. Землетрясения, от которых земля трескается, как перепеченный пирог... Теряя голову на подступах к Воротам, сумеют ли люди остаться собой настолько, чтобы прошесть в спасительное Никуда в мире и порядке, спокойно, как на прогулке?

Списки погибших во время эвакуации публикуются в начале каждого нового цикла. Каждый из них был затоптан тобой, читающим сейчас эти строки. Потому что ты выжил. Они – нет.

Зачем поставлены Ворота?

И что будет, если в один прекрасный день человечество пройдет в них с гордо поднятой головой, не медля, но и не торопясь, спеша поддержать любого, кто случайно оступится? Что будет, если это, несбыточное, однажды случится?

Возможно, именно тогда цикл завершится, и намордник будет снят. Канут в прошлое чудовищные в своей регулярности землетрясения, и неизвестные астрономам кометы перестанут появляться из ниоткуда. И дельфины станут выводить своих личинок далеко от берега... Впрочем, что нам какие-то глефы в отрыве от собственно апокалипсиса?

И человечество будет наконец развиваться. Развиваться, а не ходить по кругу, не раскручивать беличье колесо. Возможно, тот, кто поставил Ворота, сочтет, что *теперь* человечество достойно жизни без поводка...

Нет, не спрашивайте меня, кто поставил Ворота. Я не отвечу.

Я не знаю».

(Андрей Зарудный, из неопубликованных статей.)

* * *

Библиотекарша на входе, вероятно, была еще и подслеповата, потому что человек с острым зрением элементарно разгадал бы подвох. Читательский билет был выписан на имя Рысюка Игоря Георгиевича, а Лидка, хоть и в брюках и в мужском плаще, хоть и с подобранными под кепку волосами, на Рысюка походила мало. Даже с учетом невнятной блеклой фотографии.

На то и было рассчитано – на неожиданность. Какая девка решится войти в закрытую библиотеку по пропуску с фотографией мужчины? Только сумасшедшая.

– Сумасшедшая, – морщился Рысюк. Но на авантюру все-таки пошел. Хоть и рисковал, между прочим, многим. Это он-то, студент-отличник, призер и дипломант, всеобщая гордость и надежда, носитель незапятнанного, с иголочки, доброго имени! Для поддержания имиджа

он даже женился, Лидка знала, на какой-то глупой телке, затем только, чтобы та рожала ему детей, потому что дети тоже входят в понятие «имидж». И ведь не побоялся скандала, и даже заказал книги по Лидкиному списку...

Она прошла в гардероб и тихонечко, незаметно разделась, превратившись из странного юноши в обыкновенную девушку. Вошла в зал, стараясь не суетиться, не привлекать внимания. Первая часть плана прошла гладко – теперь предстояла вторая. И, разумеется, возможны еще неожиданности, вроде проверки читательских билетов прямо на рабочих местах...

Перед окошком выдачи книг имелась небольшая, но очередь. Лидка смотрела в потолок – новое здание выстроено было в авангардной манере, от всех этих круглых окошек и уходящих ввысь колодцев у Лидки закружилась голова. Постоянно приходилось облизывать губы; казалось, все вокруг только на Лидку и смотрят, и вот-вот на плечо опустится тяжелая рука...

В окошке обнаружилась обыкновенная девушка, правда, в синей форме и с погонами.

– Вот, – Лидка протянула ей читательский. – Это мой приятель заказал позавчера.

Девушка чуть заметно удивилась:

– А почему он сам не пришел?

– Занят, – Лидка заискивающе улыбнулась.

– А где ваш читательский? – девушка уставилась Лидке в лицо.

Лидка пожала плечами:

– Так на мой билет ничего не заказано! Я не могла позавчера, попросила приятеля, и он...

– Нельзя ли побыстрее? – раздраженно спросили из-за спины. Девушка в погонах вздохнула. Пробежала глазами рысюковский заказ, хмыкнула, отошла; Лидке показалось, что она пошла за дежурным милиционером и что лучше всего сейчас – сгинуть. Бегом вниз, в гардероб... Да, но это означает грубо подставить Рысюка, ведь рысюковский билет останется здесь!

Сложнее всего было делать равнодушный вид. И не оглядываться на того, кто так удачно попросил библиотекаря поторопиться.

Наконец, девушка в погонах вернулась – одна и с пачкой книг, и, глядя, как она идет по коридору между двумя высокими стеллажами, Лидка поняла, что форменный пиджак (или это френч?) слегка выдается спереди. Пятый месяц, не иначе...

Девушка, то есть женщина, без единого слова передала Лидке книги и рысюковский билет, и Лидка тупо подумала, что беременным волноваться нельзя. Ну зачем ей эта возня с проверкой билета, с вызовом милиционера, со скандалом...

– Спасибо, – сказала Лидка, хотя молодая библиотекаря уже ее не слышала.

В зале было не так чтобылюдно, но и совсем не пусто. Лидка поколебалась; ни одно место не казалось ей достаточно не приметным. Как ни сядешь, отовсюду тебя видать.

– Простите...

Ее толкнули почти одновременно с извинениями. Причем толкнули ловко – под локоть, так, что стопка книг разъехалась, и сразу три тонких тома шлепнулись на пол.

– Ох, беда, извините, пожалуйста...

Она автоматически наклонилась, чтобы подобрать упавшее, и едва не столкнулась головой с тем, кто сперва так неудачно толкнул ее, а теперь собирался помочь.

Он был немолод. Он был тучен, но уже не так толст, как во время их последней встречи. Два года и один апокалипсис назад. «Иди, девочка, учись хорошо, Андрей Игоревич был бы доволен...»

Лидка побледнела так, что лицо стало твердым, будто деревянная маска.

– Лида! – суетливо сказал гэошник. – А я сперва не узнал вас – гляжу, что-то знакомое...

Он подобрал книги, смахнул гипотетическую пыль, как бы невзначай просмотрел названия.

– Ого... Вы всерьез решили заняться новейшей историей? Наверное, в университете? Оно и правильно, вы человек молодой, два курса успеете отучиться, прежде чем рожать, а потом академка – и снова за книжки... если есть кому с малышом сидеть. Есть ведь, а?

Он говорил, а глаза-буравчики делали свое дело. Может быть, просто по привычке, независимо от воли хозяина. Наловчились за долгую жизнь буравить – вот и буравят все, что движется.

– Есть, – сказала Лидка.

В конце концов, все это могло оказаться случайностью, совпадением. Мало ли что может понадобиться высокопоставленному гёшнику в закрытой исторической библиотеке. Увидел знакомую девушку – и завел разговор, у них-то зрительная память ого-го какая...

Да, но зачем понадобилось толкать? Неужели такой неуклюжий?

И не этот ли голос, кстати, спросил из очереди: «Нельзя ли побыстрее?» – когда библиотечка поинтересовалась насчет Лидкиного читательского?

– Спасибо, – сказала она, принимая галантно поданные книги. – Мне работать очень надо. Курсовая, – добавила она неизвестно зачем.

– А на чем вы курсе, Лида?

– На первом, – сказала она первое, что пришло в голову.

– Ну, понятно... А кто руководитель?

Лидка молчала, глядя гёшнику в глаза, тяжело глядя, укоризненно, будто спрашивая: мало ты из меня душу мотал? Тебе какое дело? Что пристал, надзиратель, шпион?

– Лида, – сказал толстяк неожиданно мягко. – Я не хотел вам мешать, честное слово. И пугать вас тоже...

– С чего бы мне бояться? – сказала она как можно суше.

– Лида, можно с вами поговорить?

– О чем? – Она плотнее прижала книжки к груди.

Лицо толстяка сделалось печальным, как тогда, в кабинете:

– О наследии Андрея Игоревича. О тексте, который вы нашли. И еще о том, почему вы ходите в закрытую библиотеку по чужому читательскому билету.

* * *

– А зачем тогда служба страхования? Зачем? Вот представь, девочка, что все мы возвращаемся, выходим из Ворот – и никакой власти нет. Ни милиции. Ни страховой инспекции. Ни Президента, ни этого склочного парламента... Кто-то погиб, кто-то остался. Пока пройдет перекличка, регистрация, новые выборы – знаешь, что будет? Ничего не будет. Все, что уцелело после апокалипсиса, будет разодрано, растащено, отбито у законных владельцев по единственному праву – праву сильного. Вместо того чтобы строить дома и нянчить детей, людям придется воевать с подонками за место под солнцем... как в пещерах! Мы и скатимся к пещерам, к каменному веку, были в истории страны, которых теперь нет – именно потому, что они не имели твердой власти после апокалипсиса!

Лидка сидела на мокрой садовой скамейке. По всему парку курсировали мамы с колясками, то здесь, то там взвизгивал младенец; интересно, а как выглядят со стороны молодая женщина и пожилой толстяк, на нем ведь не написано, что он гёшник, так, просто добрый дядя Николай Иванович...

– Ты думаешь, только сытые чиновники уходят в «условленное время»? Нет. Целая группа разных людей – тех, чья деятельность будет жизненно необходима в первые дни после апокалипсиса. И чиновники в том числе. Все страны придерживаются такого протокола – в той или иной мере, но придерживаются!

Николай Иванович замолчал. Рядом с ним на темную скамейку смачно шлепнулся комочек птичьего помета. Ну надо же, чуть-чуть птичка промахнулась.

– А зачем врать? – спросила Лидка тихо.

Николай Иванович устало улыбнулся:

– Да, врать нехорошо. Но люди так устроены. Они не могут пережить превосходство другого – ни в чем. Превосходство, а особенно привилегию. Представь, вот стоят Ворота, в них ломится толпа – и некто с мегафоном просит подождать, пропустить вот этого врача, вот этого судью, вот этого чиновника, потому что они *нужны* сразу же после апокалипсиса, нужны живыми и, так сказать, в комплекте... И что тебе ответит ломающаяся масса? Можешь себе представить?

– Ложь во спасение? – все так же тихо спросила Лидка. – И смерть во спасение?

Николай Иванович вздохнул. Открыл портфель, вытащил пачку сигарет и круглую пластмассовую коробочку из-под растворимого аспирина.

– Я очень долго знал Андрея... Он был едва ли не единственным моим другом.

Лидка смотрела, как он прикуривает, потом прячет зажигалку, аккуратно снимает крышку с коробочки из-под «упсы».

– Я дружил с Андреем... веришь?

Лидка усмехнулась:

– *Потом* у него обнаружилось так много друзей...

Николай Иванович аккуратно стряхнул пепел в круглую коробочку. Высокопоставленный, по-видимому, чиновник, он не стеснялся такой жалкой некрасивой вещи, как пепельница из пустой аптечной упаковки; наверное, Лидкино недоумение отразилось у нее на лице.

– Талисман, – коротко объяснил Николай Иванович, осторожно устанавливая «упсу» на скамейке.

Курил он тоже некрасиво. Торопливо, мелкими затяжками, и даже сигарету держал безгловно, будто клопа.

– Ты, Лида, веришь или не веришь... Я тогда не спал сутками. Вся наша служба стояла на ушах... Знаешь, сколько версий мы отработали?!

Лидка вскинула подбородок:

– И что? Утешаться вашими версиями? Сами... небось... в спецконтингенте. Какой вам прок – искать своих же? Нет. Такие могущественные, аж жуть... а тут что крысу задушить, что депутата... убить прямо дома... не на улице, не в подъезде... дома! Под носом у охраны! И ничего. Гуляют. Исполнителей... убрали – и все. И вы не искали! Суетились только! Делали вид...

Она не боялась, что Николай Иванович обидится, сделает официальное лицо и потребует объяснений относительно подложного читательского билета. Потому что из библиотеки они давно вышли; у него нет повода задерживать ее, тащить назад, производить опознание и очную ставку с равнодушной беременной библиотекарьшей. А если и потащит – она будет орать что есть силы, хвататься за живот и грозить немедленным выкидышем. И посмотрим, кто первый отступит...

Но толстяк не обиделся. Наоборот, на его лице отразилось нечто, напоминающее сочувствие:

– Я понимаю... Лида, я все понимаю. Тебе сколько, восемнадцать? Все просто...

– Просто, – упрямо кивнула Лидка. – И совершенно ясно, кто его убил. Берешь список спецконтингента, ведешь пальцем...

– Вот именно, – Николай Иванович вздохнул. – Ведешь пальцем... и попадаешь пальцем в небо! Хочешь пасьянс?

Лидка не поняла.

– Пасьянс, сумма версий. Сочетание версий... Вот, например, его могли заказать эти, борцы «за чистоту души» во главе с Бродовским. Могли или нет?

Лидка вспомнила Рысюка. Он, помнится, говорил то же самое.

Правда, Рысюк ничего не знал ни о предстоящей Зарудному речи, ни об «условленном времени».

Или знал?

– ...Во-вторых, его могли заказать свои же коллеги-политики. Ты знаешь, скольким он мешал? По-настоящему мешал? Ты знаешь, что он был совершенно реальным кандидатом в Президенты?

Совсем рядом, в кружевной тени старого тополя, худенькая женщина лет девятнадцати безуспешно боролась с капризами здоровенного карапуза в полосатой коляске. Карапуз уже пытался сидеть. Елки-палки, когда только люди успевают?!

Лидка подняла глаза:

– В Президенты? Правда?

– Ну разумеется! А нынешний Президент, между прочим, совсем не прочь остаться на следующий срок. И теперь, скорее всего, останется... Нет, я ничего *такого* не хочу сказать. Просто... это во-вторых. В-третьих, ты знаешь, что он был соучредителем семи крупных фирм?

Лидка невольно разинула рот:

– Андрей Игоревич?

– Представь себе. Ты знаешь, что такое конкуренция, финансовые махинации, не возвращенные в срок кредиты? Ты слышала такие слова, хотя бы по телевизору? То, что выглядит как политическое убийство, вполне может иметь совершенно иную подоплеку. Понимаешь?

Лидка хлопала глазами, как первоклассник у доски. Догадывалась, что выглядит глупо, но ничего не могла поделать.

– Дальше... в-четвертых. Или уже в-пятых? Из квартиры Зарудного пропала крупная сумма денег. Вполне может быть, что нападавшие были просто бандитами. Скажем, пришли трое, взяли меньше, чем рассчитывали, да еще и сработали грязно, оставили труп... Два трупа, если считать консьержа, который так и не пришел в сознание. Потом стали делить, один убил двух поделщиков и тела утопил в заливе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.